

IV. НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СОВЕТСКИЕ ГОДЫ

1918–1929

В областном комитете Союза городов продолжалась работа санитарно-технического бюро, выполнявшего проекты строительства заразных отделений, дезинфекционных учреждений. Бюро вело также консультативную работу по вопросам водоснабжения, канализации и благоустройства, по противоэпидемическим мероприятиям.

По просьбе городского головы Старой Руссы весной 1918 г. я выезжал в этот город для рационального решения вопроса о расширении водоснабжения. Ввиду отсутствия в нём гостиницы я пользовался гостеприимством городского головы Глинки. Это был оригинальный человек, любивший Старую Руссу, хорошо знавший её нужды и горячо желавший поднять её благоустройство. Я воспользовался пребыванием в этом городе не только для подробного изучения его водоснабжения из загородных родников и ознакомления со знаменитым Старорусским курортом с его мощными, бьющими на 18 м выше земной поверхности из буровых скважин солёными минеральными источниками. Путём обследования на месте и извлечения из материалов городской управы я собрал необходимые сведения для санитарного описания Старой Руссы по программе, перед тем одобренной Союзом городов. Программа эта, после организации 18 июля 1918 г. Наркомата здравоохранения и перехода в его ведомство учреждений Союза земств и городов, была утверждена Наркомздравом, и я получил из его санитарного отдела формальное поручение в спешном порядке произвести обследование городов Северо-Западной области с точки зрения выявления их первоочередных нужд по санитарному благоустройству.

Вспоминается один бытовой штрих, связанный с моим отъездом из Старой Руссы. К тому времени в Петрограде сложилось очень тяжёлое положение с продовольствием. Мы не могли достать хлеба, не было также у нас никакой муки и крупы. Заботливая семья Глинки предложила мне при отъезде взять с собою килограмма два клеверных семян. Небольшой запас этих семян оставался у них после весеннего сева. В Старой Руссе хлеба тог-

да тоже не было, и утром к чаю подавались лепёшки из мелко истолченных клеверных семян с небольшим добавлением муки.

На «Полоске» Любовь Карповна размачивала клеверные семена и добавляла их к сушёному картофелю. Не знаю, насколько увеличивалась от этого питательная ценность лепёшек из измельчённых сухих овощей, но, насколько я мог наблюдать «визуально» (без лабораторных исследований) на собственном опыте, зёрнышки клевера выходили в испражнениях не переваренными, в целом виде.

Кроме Старой Руссы мною были обследованы и описаны также города Новгород, Псков, Вологда, Череповец, Шлиссельбург, Ямбург (переименованный затем в Кингисепп). Материалы обследований по каждому городу были мною переданы в санитарный отдел Наркомата здравоохранения.

Поездки в то время были сопряжены с большими трудностями. Подолгу простаивали поезда в пути. Даже имея билет, нелегко было попасть в переполненные вагоны. Но тяжелее всего было хоть как-нибудь наладить питание. Из дому брать с собой было нечего, на «Полоске» не было ни хлеба, ни сухарей. Любовь Карповна варила похлёбку из сушёных овощей, из них же делала лепёшки, перемолов их в мясорубке и поджарив на сковородке. Когда удалось заготовить позднее, летом 1919 г., корм для коз, добавлялось по стакану козьего молока. Я обкашивал траву на улицах, во дворах и на участках, где травой не интересовались. Мои дочери обламывали ветки бузины, черёмухи и берёзы, связывали их в пучки, сушили на чердаке и заготавливали на зиму. Весною и зимой вечерами я отправлялся с санками в лес, где валяли берёзы на топливо для Лесного института, и садовыми ножницами нарезал целые самодельные сани прутьев. Потом, падая от усталости и истощения, тащил эти сани на «Полоску». Козы, при отсутствии другой пищи, полностью съедали эти прутья.

Опыт первой голодной зимы 1918–1919 гг. многому научил нас. Ближайшим же летом все наши цветники вокруг дома были обращены в огород для картофеля, капусты, турнепса, бобов и кормовой свёклы. Личный опыт заставил меня со вниманием отнестись к работе Комиссии по развитию огородов, которая возникла ещё в 1917 г. при областном комитете Союза городов, Я принял в работе этой комиссии деятельное участие. Председателем комиссии был профессор-агроном П. В. Будрин¹, в неё были привлечены студенты агрономических курсов.

Поездки для обследования санитарного состояния городов и определения их готовности к борьбе с эпидемиями были начаты летом 1918 г. в связи с тревогой, вызванной появлением холеры в Петрограде. Мне казалось очень важным в тогдашних условиях полного отсутствия ремонта домов и всего санитарного благоустройства пробудить в населении инициативу по оздоровлению дворов и домов. В городе спешно были организованы домовые комитеты, и даже издавался специальный печатный орган — «Домовый

¹ Будрин Пётр Васильевич (1857–1939) — профессор, в 1902–1905 директор Ново-Александровского сельскохозяйственного института; с 1908 — директор Харьковской селекционной станции; председатель Комиссии по организации селекционных опытных станций в России.

комитет». В этом журнале я поместил летом 1918 г. статью «Об участии до-мовых комитетов в борьбе с холерой» (№ 18, август 1918). Как известно, невзирая на все трудности того времени в Петрограде, быстрое налажива-ние на водопроводах хлорирования воды существенно повлияло в самом начале на прекращение распространения холерных заболеваний.

При санитарном обследовании городов, разумеется, прежде всего, пришлось выяснять условия водоснабжения и намечать меры по его улучшению. При поездке в Псков, кроме того, я непосредственно озна-комился с работой общедоступной амбулаторной врачебной помощи для обеспечения своевременности выявления заболеваний, а также с санитар-ным надзором за продажей продуктов на рынках. В Пскове ещё был завод молока, мяса, печёного хлеба и ржаных пирогов из деревень, поэтому туда приезжали многие жители Петрограда для покупки или, главным образом, обмена съестных припасов на одежду и утварь.

При поездке в Ямбург я навестил врача местной земской больницы Пет-ра Николаевича Прохорова, которого знал ещё по совместному участию в съездах земских врачей Санкт-Петербургской губернии 1896 и 1899 гг. П. Н. Прохоров был автором «Биологических основ медицины». Он за-щитил этот труд как докторскую диссертацию в Военно-медицинской ака-демии. Прохоров был земским врачом-новатором. Он построил артези-анскую скважину для больничного водопровода, сконструировал особый прибор для дезинфекции насыщенным паром. Был энергичным, отзывчи-вым человеком, в силу чего пользовался большой популярностью. Теперь я застал Петра Николаевича сильно ослабевшим после тяжёлой и длительной болезни. Он со слезами рассказывал о трогательном внимании и заботе о нём бывших пациентов, приносивших ему молоко и яйца из отдалённых деревень. В основном это были вылеченные им когда-то крестьяне. Они навещали его, когда узнали о его тяжёлой болезни. Его очень тревожили вопросы нарушения обучения в сельских школах и рост детской безнадзор-ности. С тяжёлым чувством расстался я с Петром Николаевичем, понимая полную невозможность создать для него необходимые условия для выздо-вления.

Когда теперь я пытаюсь восстановить по памяти всё содержание моей жизни в первые годы после коренного перелома в ходе истории страны, вызванного Октябрьской революцией, я убеждаюсь в отсутствии отчётли-вой хронологической последовательности в своих воспоминаниях о мно-гочисленных изменениях и новых направлениях в деятельности, которой я был занят. Скажу одно: я не отказывался ни от какой работы, которую мне предлагали.

По предложению заведующего дорожной врачебно-санитарной ча-стью доктора С. Е. Шрейбера¹ я занял место одного из его помощников и очень много времени отдавал санитарному надзору за железнодорожны-ми мастерскими и жилищными условиями их рабочих. Особенно, помню,

¹ Шрейбер Семён Ефимович (1865-?) — эпидемиолог, врач-гигиенист; началь-ник Вилюйского медико-санитарного отряда Якутской комплексной экспедиции АН СССР 1925–1930 гг.

я заинтересовался рабочим посёлком, находившимся в самом Петрограде между путями Варшавской железной дороги и территорией «Красного треугольника» (прежней российско-американской резиновой мануфактуры). Он состоял из нескольких десятков одноквартирных домиков с небольшим садом при каждом из них. Домики были расположены по речке Таракановке, весь расход воды в которой состоял из нечистот и сточных вод «Красного треугольника» и вышележащих промышленных предприятий. Этот посёлок я подробно описал в «Железнодорожном вестнике». В это же время по приглашению К. В. Караффа-Корбута ежедневно в послеобеденные часы я работал вместе с ним в только что складывавшемся Отделе труда, во главе которого был поставлен вышедший из рабочей среды Н. И. Иванов, позднее назначенный заведующим отделом коммунального хозяйства.

Я разработал программы санитарного обследования промышленных предприятий Петрограда и области и систему санитарного надзора за их состоянием с участием уполномоченных от рабочих и профорганизаций. К. В. Караффа-Корбут в это время составлял одно за другим руководства по профессиональной гигиене. Они издавались Отделом труда. В них с достаточной полнотой излагались и все требования санитарного благоустройства, как рабочих помещений, цехов и мастерских, так и дворовых участков и всей окружающей предприятия территории.

Тогда же по приглашению В. М. Бехтерева¹ я выполнял обязанности учёного секретаря в возглавлявшемся им и инженером Прейсом Институте научной организации труда². Тогда был период увлечения «научной организацией труда». Всюду шло изучение трудовых процессов путём разложения входящих в их состав отдельных движений и выявления их рационального сочетания и целесообразной последовательности с целью получения наибольшего эффекта. В. М. Бехтерев привлёк в комиссию по изучению труда представителей разных специальностей. Наряду с гигиенистом Я. Л. Окуневским³ были профессора Л. П. Шишко⁴, Д. С. Зернов и др. Заседания комиссии были очень частыми. По предложению В. М. Бехтерева было начато изучение труда работников интеллектуальных профессий: врачей, артистов и пр.

Помимо составления журналов и отчётов об общих заседаниях и заседаниях комиссии мне поручалось участие в комиссионной работе по

¹ Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) — выдающийся невролог, психиатр и психолог. Создатель научной школы. Основатель рефлексологии. Организатор и руководитель Психоневрологического института и Института по изучению мозга и психической деятельности.

² Здесь автором допущена некоторая неточность. В 1918 по инициативе В. М. Бехтерева был организован Институт по изучению мозга и психической деятельности, в составе которого была организована специальная Лаборатория труда, где велось экспериментальное изучение влияния труда на личность, на её нервно-психическое состояние.

³ Окуневский Я. Л. — доктор медицинских наук, специалист по проблемам военно-морской гигиены.

⁴ Шишко Л. П. — профессор Технологического института, крупный специалист по архитектуре, коммунальной гигиене и строительству.

обследованиям на местах. Пришлось несколько раз участвовать в расследовании причин массовых нервных заболеваний, которые принимались за отравления сернистым газом, среди работниц на заводах «Светлана» и «Красный треугольник»¹. Исследованием специальных токсических примесей в воздухе был занят Я. Л. Окуневский. Я старался выявить недостатки общегигиенической обстановки труда, питания и быта, которые могли подрывать силы и сопротивляемость организма и создавать предпосылки для массовых заболеваний. На «Красном треугольнике» мне было поручено статистическое изучение санитарных показателей состояния здоровья работниц. Это была довольно трудоёмкая работа. Никаких помощников у меня не было. Сделанный мной по результатам этой работы доклад в Институте труда был затем напечатан в виде статьи в «Московском медицинском журнале».

В Институте труда изучалась организация работы во многих профессиях, в которых были заняты и мужчины, и женщины. Чтобы рекомендовать нормативы, нужно было учитывать различное влияние трудовых процессов на женщин и на мужчин. В связи с этим я попытался осветить вопрос об особом влиянии и отражении некоторых видов труда на здоровье женщин. Соответственная работа моя была напечатана в журнале «Врачебное дело».

Обычно при исследовании производительности и интенсивности труда совершенно недостаточно учитывалась лимитирующая роль энергетического баланса, определяемого пищевым снабжением. Заинтересовавшись этим вопросом, я настойчиво собирал материалы и наблюдения для освещения этого кардинального условия поддержания работоспособности. В 1919–1920 гг. я сделал ряд докладов в комиссии о лимитирующем влиянии калорийности питания на производительность труда.

Оставшиеся от Всероссийской гигиенической выставки материалы по г. Петербургу по моей просьбе сохранялись в помещении областного комитета Союза городов, а после Октябрьской революции были вместе с библиотекой губернского земского врачебно-санитарного отдела переданы развёртывавшейся библиотеке и музею по санитарному просвещению (на ул. Пролеткульта). Там в то время работал И. А. Дмитриев и недолгое время С. А. Новосельский².

По просьбе студентов последнего курса Психоневрологического медицинского института я прочёл несколько лекций об основах общественной медицины и санитарного дела в земствах и городах и о задачах и приёмах построения врачебно-санитарного обслуживания населения в новых условиях после революции.

Ещё до Первой мировой войны, с осени 1913 г. я был избран Учёным советом Психоневрологического института преподавателем и читал для

¹ Это сообщение привлекает к себе внимание тем, что подобное массовое нервное заболевание произошло в декабре 2005 в Чечне. Его также поначалу приняли за отравление.

² Новосельский С. А. — крупный специалист по проблемам смертности населения Петербурга–Ленинграда, руководитель Отдела демографической и математической статистики. Один из создателей Института демографии в 1930.

студентов юридического факультета курс «Общественная медицина и санитария». Теперь возник вопрос о возобновлении чтения этого курса для оканчивающих студентов-медиков. Готовясь к этому, я сделал всё, чтобы обобщить дореволюционный опыт организации врачебной помощи и санитарного обслуживания, выработанный в процессе развития в России общественной медицины, и выявить новые возможности, возникшие после революции. В самых тяжёлых условиях зимы 1918–1919 гг., при отсутствии топлива, продовольствия и электрического освещения, я упорно работал над выполнением этой задачи. Я хотел, чтобы весь богатейший накопленный опыт мог быть передан новому советскому здравоохранению, чтобы он мог быть использован и в самой подготовке советских врачей. В ряде лекций, прочитанных в Институте усовершенствования врачей, я изложил мои соображения о сущности социально-профилактического направления и о значении опыта общественной медицины. Как раз в то время этот институт приступил к изданию собственного органа — «Архив клинического института для усовершенствования врачей», и в первом его томе была напечатана обширная моя работа «Общественная медицина как наука и как предмет преподавания в высшей медицинской школе и в институтах для усовершенствования врачей». Само развитие и прогресс медицины, как науки, подводит её ко всё возрастающему сосредоточению внимания на вопросах предупреждения болезней, их профилактике. А в условиях народной власти в государстве открывалась практическая возможность перестройки всего здравоохранения и обслуживающей его медицинской науки на началах социальной профилактики и социальной гигиены. Меня глубоко волновала мысль об историческом долге работников прежней общественной медицины, их обязанности передать свой бесценный опыт новым поколениям врачей, облегчить усвоение ими этого опыта уже в процессе учёбы в медресах.

В те годы (1917–1923) сложились очень дружеские личные отношения у меня и Любови Карповны с Г. С. Кулешей¹ и его семьёй. Он жил в Лесном в собственном доме и вместе с Марией Андреевной, своей женой, много работал в своём саду. Выращенные им розы разных сортов вызывали изумление, так же как исключительные по своим качествам сорта земляники, крыжовника и других ягодников. Георгий Степанович был любителем фотографии, причём одним из очень немногих в то время мастеров цветной фотографии. Во время научной командировки в Индию по изучению холеры он сделал очень много превосходных цветных снимков пышных ярких роз и других тропических цветов. На своих докладах и лекциях он часто демонстрировал их восхищённым слушателям. Обычно среди этих снимков, как бы случайно, оказывались снимки его сада в Лесном с крупными яркими розами. И он изумлял слушателей объявлением, что не только в Индии, но и в Петрограде вырастают такие дивные цветы. Для их культивирования нужны лишь любовь и трудолюбие. Мы с Любовью Карповной обменивались с Георгием Степановичем и Марией Андреевной лучшими сортами наших георгин и малины.

¹ Кулеша Георгий Степанович (1866–1930) — доктор медицинских наук, профессор, патологоанатом.

Г. С. Кулеша занимал кафедру патологической анатомии в Государственном институте медицинских знаний (ГИМЗ). Так стал называться прежний медицинский факультет Психоневрологического института. В разговорах с Георгием Степановичем я не раз развивал мысль о своевременности введения преподавания профилактических основ общественной медицины на медфаках. Георгий Степанович вполне соглашался со мною. Для меня было, однако, довольно неожиданным сообщение Кулеша о том, что по его предложению дирекция и Учёный совет ГИМЗ поручили ему переговорить со мною о принятии на себя обязанности преподавания общественной медицины. Я выполнил все указанные мне формальности и приступил к чтению лекций.

Одновременно я участвовал в заседаниях Учёного совета ГИМЗ, в котором часто вместо В. М. Бехтерева председательствовал тогда А. В. Гарвер. С Александром Владимировичем Гарвером я встречался в 1914 г. в совместных военных походах в Восточной Пруссии. Не раз пришлось нам ночевать в одной избе и проводить часы в беседах, в которых Александр Владимирович любил не то в полшутливой форме, а может быть и всерьёз прибегать к научной терминологии для самых обычных житейских явлений и к высоким принципиальным философским положениям, когда дело шло о самых простых вещах.

В 1918–1920 гг., в период наиболее тяжёлой послевоенной разрухи, было трудно в Петрограде издавать научные труды по медицине. На одном из заседаний Учёного совета я предложил составлять в машинописном виде сборники научных трудов ГИМЗ. Один экземпляр такого сборника передавать в Рукописный отдел Публичной библиотеки и признать за авторами помещённых в нём работ право ссылаться на них, как на опубликованные труды. Предложение это было принято, и, на мою беду, я был выбран секретарём редакции сборника. Это потребовало от меня большой траты времени: и днём, и дома по ночам приходилось читать и редактировать многочисленные статьи, которые вскоре стали поступать от преподавателей ГИМЗ. Среди них было немало залежавшихся в разных редакциях и не стоящих печатания опусов. Но отказ от их включения в сборник также требовал от меня помимо затраты времени на их прочтение и на разговоры с авторами, ещё и письменного отзыва. Меня лично очень мало устраивало включение в эти сборники моих работ, накопившихся в те годы, по развитию социально-профилактического направления в медицине. Не для будущих исследователей собирал я материал. При написании работ я руководствовался стихийно овладевшим мною стремлением помочь новой подымавшейся молодой силе встать на верный путь, избежать ненужных шатаний и ошибок, воспользовавшись уже накопленным опытом санитарного направления в медицине. Мне хотелось выпустить в помощь молодым строителям советского здравоохранения работу в виде изданного отдельным выпуском пособия.

Летом 1919 г. работавший в то время у меня помощником недавний выпускник медфака ГИМЗ доктор И. М. Блюмкин уезжал на юг. Проездом он остановился на несколько дней в Харькове. Я просил его побывать в посёлке Высоком, где жил мой брат Сергей, от которого я давно не имел

вестей. Блюмкин взял с собой оттиск моей статьи из «Архива Института для усовершенствования врачей». Он ознакомил с ней одного из сотрудников возникшего в Харькове медицинского издательства. По желанию последнего он оставил оттиск в редакции, с тем, чтобы в случае возможности выпустить его отдельным изданием при условии моего предварительного согласия на это. Каково же было моё изумление и возмущение, когда я, без всякой предварительной переписки со мною, получил изданную в Харькове издательством «Научная мысль» в 1922 г. мою работу с достаточно невежественным предисловием, переделанным заглавием, с изменениями и сокращениями в тексте. Я реагировал резким письмом, в котором указал на полную недопустимость такого самовольного обращения с чужим трудом. Из полученного ответа было видно, что за издательскую работу взялись люди с какими-то троглодитскими представлениями, что они не нуждаются ни в какой согласии автора на изменение его работы. Была очевидна бесполезность продолжения каких-либо объяснений с ними. Только много позднее, в 1926 г., представилась возможность издать в расширенном и обработанном мною виде эту работу.

Институт усовершенствования врачей в Петрограде издавал труды своих сотрудников через старое издательство П. П. Сойкина. Оно-то и приняло от меня мою работу и в очень короткий срок выпустило её под заглавием «Общественная медицина и социальная гигиена». Над этой темой работал я и в последующие годы. В 1926 г. эта работа вышла в Ленинграде отдельной книгой. Огромным удовлетворением для меня было получение по поводу её выхода письма от тогда уже заслуженного деятеля науки Петра Ивановича Куркина. Так как в нём отражены те настроения и мысли, которые владели мною при работе над книгой, то я не могу отказать себе в удовольствии привести хотя бы в сокращённом виде это письмо, тем более что в ряде рецензий (А. Н. Сысина, И. А. Добрейцера и др.) совсем не затронуты стороны, отмеченные Петром Ивановичем:

«Москва, 17 апреля 1926 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Захарий Григорьевич!

Получил я Вашу книгу «Общественная медицина и социальная гигиена» и не мог оторваться от неё, пока не дочитал её всю до последней строчки. Большое, огромное спасибо Вам за эту книгу в её существовании, за то, что Вы её написали и напечатали. В этом чувстве благодарности к Вам, я убеждён, ко мне присоединятся все общественные работники земского периода... Немалою заслугой перед историей, перед исторической правдой является выяснение значения прошлого, связь его с настоящим, преемственность идей. И никто, конечно, не мог сделать этого лучше в нашей области общественной медицины, чем это сделали Вы. И я должен Вам теперь откровенно сознаться, каким-то образом я ожидал от Вас именно такой книги, и именно от Вас и ни от кого другого. Никто из нас, оставшихся пока от прежней полосы истории, не мог сделать этой работы глубже, сильнее и в то же время короче. Нужно ли говорить, как была необходима эта книга для восстановления исторической справедливости, которая нарушается целый ряд лет ежедневно изобретателями... старых истин и ловкими людьми, пользующимися неосведомлённостью аудитории... Наше положение

давних общественных работников было поистине трагически невыносимо... Теперь книга Ваша развязывает наш узел. Невыносимого положения, о котором я сказал выше, больше нет. Для всех должны быть ясны... завоевания общественной медицинской мысли, их значение для настоящего... Вероятно книга Ваша... заденет кого-то... Но самое главное, это то, что Вами сделано большое дело, нужная работа, которая создаёт действительный прочный надлежащий фундамент для дальнейшего правильного построения социальной гигиены в нашей стране. Параллелизм и сопоставления с зарубежными странами также и в этой исторической области весьма поучительны для характеристики нашего построения... Работа написана так легко, удобопонятно, что, конечно, очень скоро сделается настольной книгой у теперешних общественных врачей...».

Замечу здесь же, что после выхода в свет этой книги я систематически продолжал работать над углублением и расширением её содержания, чтобы, в случае возможности нового её издания, оно было бы не только общим введением к курсу социальной гигиены, но и законченным сжатым историческим обзором развития этой науки в нашей стране. К моему глубокому сожалению возможности напечатать этот мой труд не представилось. Когда в наиболее тяжёлый период осады Ленинграда зимой 1941–1942 гг. нельзя было не отдавать себе отчёта в неизбежности ухода из жизни в любой момент из-за голода и дистрофии, я считал своим долгом привести в порядок свои работы. В результате само заглавие книги было сформулировано так: «От приказной медицины к земской и от общественной медицины к социальной гигиене и советскому здравоохранению».

20–26 мая 1918 г. я принял деятельное участие в первом после Октябрьской революции широко организованном съезде по выяснению положения медицинского дела и санитарных нужд на местах. Он был созван новгородским Советом по почину оказавшихся в этом Совете энергичных бывших земских врачей — А. Г. Куркутова и Т. И. Ярошевской. Приглашение принять участие в этом съезде получил я — как заведующий санитарно-техническим бюро областного комитета Петроградского Союза городов, и санитарный врач Николай Петрович Василевский.

Программа Новгородского губернского съезда по делам народного здоровья включала в себя следующие вопросы:

Организация губернского Отдела народного здоровья, круг его ведения и компетенций;

Установление связи, порядка сношений и взаимной осведомлённости Губотдела и уездных и городских медико-санитарных советов и волостных управлений;

Доклады делегатов с мест о современном состоянии врачебно-санитарного дела в уездах;

Порядок и формы регистрации заразных болезней; медицинская и санитарная статистика;

Организация борьбы с заразными болезнями;

Борьба с детской смертностью;

Борьба с туберкулёзом и сифилисом;

Организация на местах участковых санитарных попечительств;

Постановка аптечного дела в губернии;

Утверждение положения и состава губернского Санитарного совета при Отделе народного здравия, введение института поездных санитарных врачей;

Выборы специалистов (заведующего Санитарным бюро, его помощника, заведующего судебно-медицинской частью, химика-фармацевта и т.д.;

Выборы коллегии губернского Отдела народного здравия;

Обсуждение вопроса о легализации самостоятельной деятельности фельдшеров.

Съезд оказался очень многолюдным. Среди делегатов от уездных медицинских учреждений преобладали фельдшеры, как выдвинутые революцией низовые работники, считавшие себя прежде в пригнетённом положении, поскольку лишены были равного с врачами права участия в губернских врачебно-санитарных съездах. Теперь многие фельдшеры в уездах сделались заведующими отделами здравоохранения и членами уездных советов депутатов. Стремление фельдшеров к отстаиванию своих политических, гражданских и социальных прав, к уравниванию их с правами врачей мешало правильно решать вопрос о назначении для руководства врачебным делом, больницами и медицинскими участками врачей, обладавших, конечно же, большим организационным и общественно-санитарным опытом и более высоким уровнем специальной подготовки. Часть фельдшеров на съезде пыталась сплочённо выступить против самого ценного принципа общественной медицины — высокой квалифицированности медицинской помощи населению, которая должна была оказываться врачами и под их руководством. Нужно было дать фельдшерам возможность получать врачебную подготовку, дать им преимущества при поступлении в медвузы, а не решать дело непосредственным назначением их на должности заведующих врачебными участками.

Куркутов был старым, опытным врачом, авторитетным в глазах всех участников съезда. Чтобы ярче показать нелепость назначения фельдшеров на все руководящие должности, он обратился к съезду с вызвавшим общую весёлость и смех ходатайством «переквалифицировать» его в фельдшера. Мне и Николаю Петровичу Василевскому, опираясь на многолетний опыт оказания населению врачебной и санитарной помощи, приходилось терпеливо разъяснять значение очередных задач по восстановлению и развитию сети врачебных участков, по их оборудованию, по созданию основ правильной санитарной организации и по скорейшему осуществлению санитарного благоустройства в городах и населённых пунктах.

Напряжённая работа на съезде, общение с новыми низовыми силами, выдвигавшимися на руководящую работу на местах, будили бодрость и вызывали у меня, как и у других участников съезда, воодушевление и подъём сил. Я считал, что этим и выполняется задача и долг наш содействовать передаче опыта земской медицины новому советскому здравоохранению. С чувством признательности вспоминаю проявления и на общих собраниях съезда, и в комиссиях большого внимания к моим предложениям об укреплении участковой врачебной сети, о социально-профилактическом направлении и сущности общедоступной квалифицированной врачебной

помощи и о необходимости изыскания путей к санитарному благоустройству населённых мест.

Вспоминаю, что наряду с вопросами организации медицинской помощи населению меня очень занимали мероприятия по санитарному благоустройству городов, в частности, очистки их путём устройства полей запахивания отходов и нечистот. В связи с этим я ознакомился с организованным уже в то время в Новгороде коммунальным огородным хозяйством, осматривал находившиеся в очень хорошем состоянии парники с огородной рассадой. Помидорную рассадку мне предоставили даже для Петроградской огородной организации, в которую я в то время входил.

Высказанные мною на новгородском съезде настойчивые призывы и обоснования необходимости технического благоустройства городских центров привлекли к себе внимание. В результате этого я получил от председателя Череповецкого Совета депутатов приглашение приехать (в июне 1919 г.) на первый съезд Советов вновь организуемой Череповецкой губернии, чтобы выступить с докладом и лекциями о благоустройстве Череповца, о постройке в нём водопровода и канализации. В адресованной мне телеграмме была просьба привезти с собой для чтения лекций по моему выбору и «других учёных». Я предложил поехать со мной ректору Политехнического института Д. П. Рузскому¹. Я тогда читал в этом институте курс гигиены на строительном факультете.

Нас очень тепло встретили в Череповце. Я прочитал в общем собрании три лекции по основным вопросам благоустройства, а Д. П. Рузский — специальную лекцию о значении, условиях и возможности постройки канализации в Череповце. В день открытия съезда было организовано торжественное, с пением Интернационала, шествие съехавшихся из всех районов губернии участников собрания. Во вступительной речи к депутатам председатель разъяснил сущность и значение пролетарской революции, которая передала в руки трудового народа всю государственную власть и открыла ему все пути к овладению наукой и культурой, благосостоянием, которые до революции были доступны только господствующему классу.

Кроме лекций, в свободное от заседаний время нам предоставлена была возможность давать справки и разъяснения по сельскому и городскому благоустройству и организации врачебно-санитарного дела. В течение 10–12 дней нашего пребывания в Череповце были всесторонне обсуждены основные проекты переустройства водоснабжения, постройки канализации, улучшения в планировке города. Эти проекты были составлены городским инженером и техниками. При осмотре на месте оказалось возможным внести в них ряд улучшений и изменений, облегчающих их скорейшее осуществление. Эта работа велась с воодушевлением именно благодаря сознанию, что наши предложения принимаются к безотлагательному воплощению.

¹ Рузский Дмитрий Павлович (1869–1937) — главный инженер по постройке канализации в С.-Петербурге; зам. председателя Русского технического общества, профессор, с 1919 — ректор Политехнического института; масон, отстранён от руководства институтом. В 1921 уехал за границу, с 1925 — профессор Загребского университета.

Невзирая на все продовольственные трудности того периода, мы видели, как организованный коммунальный совхоз заготовил некоторые запасы продуктов для тех рабочих, которых предполагалось привлечь к строительству канализации. При нашем отъезде нам в качестве оплаты было выдано по пуду муки и по килограмму сала, масла, крупы и сахара. Это был невиданный «гонорар»! Но донести на себе от Московского вокзала в Лесное эту ценную кладь было нелегко, ведь при тогдашнем голоде мы поддерживали жизнь, то употребляя случайно сохранившиеся семена клевера, выпекая из него некий суррогат хлеба, то, питаясь наварами из сухих овощей, смешанных с сухими листьями. Но я уже писал, что для моей семьи большой поддержкой служило молоко нескольких коз, выращенных Любовью Карповной. Привезённые из Череповца продукты доставили домашним большую радость. Дмитрий Павлович Рузский, придя к нам на «Полоску» на следующий день после приезда, рассказал о таком же удовольствии, вызванном в его семье череповецким пайком.

Но не этот гонорар был главной наградой за наш напряжённый двухнедельный труд. Больше, неизмеримо большей наградой был испытанный нами энтузиазм предстоящего великого строительства, владевший трудовыми массами, от которых съехались на Череповецкий съезд эти сотни рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, с таким глубоким вниманием слушавших воодушевляющие речи партийных руководителей и с такою деловитостью проявлявших готовность безотлагательно приступить к практическому осуществлению планов переустройства жизни.

Ну, а на «Полоске» шла тем временем трудная борьба за выживание. Каждое утро мне нужно было незаметно выполнить ряд совершенно неотложных работ: убрать сарай и загородку, где ночевали козы, чтобы эта работа не легла на более слабые женские плечи. Нужно было привести в порядок поле орошения, вскопать очередную грядку и оправить борозду; нужно было выкорчевать один-другой пенёк, чтобы заготовить на ближайший день топливо. Всё это я спешил проделать в самые ранние часы, чтобы затем успеть, приведя себя в порядок, пробежать километра два до Политехнического института и без опоздания прочесть двухчасовую лекцию для студентов-выпускников строительного отделения. Среди них немногие обнаруживали особый интерес к вопросам планировки и благоустройства населённых мест и к санитарной технике. Это были только единицы, а я, особенно после участия в Череповецком съезде, постоянно находился под действием мысли о необходимости, о безусловной неотложности подготовки многочисленных технических кадров для практического осуществления переустройства санитарно-технического оборудования и благоустройства населённых мест.

И начинать надо было со столицы. Ведь благоустройство Петербурга до революции имело по преимуществу чисто внешний, показной характер. Три-четыре парадных улицы, такие, как Невский проспект, Гороховая или Вознесенский проспект, по которым царь ездил на вокзал, были вымощены весьма дорогой, хотя и очень недолговечной, торцовой деревянной мостовой и поддерживались в порядке постоянной работой дворников. По вечерам они были залиты ярким электрическим светом, а в то же время даже

на этих «парадных» улицах, как и во всём городе не было упорядоченной уличной канализации, роль её исполняли прогнившие деревянные трубы, пропитывавшие всю почву нечистотами. Все сточные колодцы также были деревянные, без подвесных ёмкостей, так что зловонный, гниющий осадок из них при чистке выкладывался прямо на мостовую, и в центре в каждом дворе были скопления нечистот в выгребных и помойных ямах.

Все прилегающие к «парадным» улицам переулки и улочки были замощены булыжником и имели узкие негодные тротуары. По этим жилым улицам целые дни стояли грохот и стук от ломового движения, которое искусственно оттеснялось сюда запрещением ломовым извозчикам проезжать по улицам сквозного и прямого сообщения — по Невскому, Гороховой, Литейному, Загородному и другим проспектам.

Наконец, глубокий казённо-полицейский отпечаток на всём благоустройстве дореволюционного Петербурга лежал и вследствие методов его проведения. Оно велось не по плану, а по приказам градоначальника, по понуждению околоточных и приставов, от которых откупались подачками и непременно «подарками» к праздникам, а также по отдельным, разовым постановлениям Городской думы. Ими все требования общего благоустройства даже самых многолюдных улиц возлагались на отдельные домовладения и их дворников.

Отсутствие единой планомерной организации во всём, фрагментарное благоустройство улиц десятками тысяч отдельных домовых хозяйств вело к чрезвычайной пестроте и ненадёжности дела, к невероятно неэкономному, нехозяйственному в общегородском масштабе расходованию средств. При поливе не- или плохо мощёных улиц из шлангов и поливных тумб расходовалось невероятно много воды, разрушались мостовые от выбиваемого сильными струями песка. Ремонт улиц производился против каждого дома отдельно, разными материалами и разными мастерами. Неизбежным было со стороны каждого дома стремление подешевле отделаться от этой полицейской повинности. Отсюда — недолговечность строительства, деревянные трубы на улицах клались без общего уклона, а на иных участках и с обратным уклоном, только бы внешне выполнить требования...

Вся эта казённо-полицейская «марафетная» культура дореволюционного Петербурга, стремившаяся к недолговечному внешнему лоску, стояла в вопиющем противоречии с требованиями подлинного благоустройства и с уже имевшимися техническими возможностями XX в. В ещё более кричащем противоречии стояла она с величавым наследием «царственного» благоустройства Петербурга, которое проводилось под руководством замечательных мастеров, строителей и художников в век Петра, Екатерины и Александра, когда город строился и украшался не для «чёрного люда», а как императорская вотчина. Тогда оделись в прочный гранит берега Невы и каналов, заложен был Летний сад с его знаменитой решёткой, и Михайловский парк; тогда выросли все архитектурные, пленяющие туристов ансамбли, устроены были знаменитые площади — Сенатская, Исаакиевская и Дворцовая, возведены десятки величественных зданий.

К сожалению, современный период унаследовал от дореволюционного не приёмы долговечного строительства по единому плану, а лишь поддер-

жание внешнего казённо-приказного благоустройства. Только в самые последние годы перед революцией начали намечаться новые хозяйственно-технические пути для достижения в столице современного благоустройства. Только непосредственно перед войной и во время войны выработан был план постройки общей канализации, общей системы замощения улиц, очистки и приведения в порядок водоёмов и каналов, постройки здорового водоснабжения, устройства ряда новых крупных садов и т. д.

Однако в послереволюционный период пришлось не только ставить сразу во всём объёме широчайшие цели общего благоустройства на всей территории города, но и вырабатывать, что гораздо труднее, новые пути и целесообразные приёмы их достижения, начать целенаправленную подготовку квалифицированных специалистов.

На санитарно-техническом отделении строительного факультета Политехнического института в то время очень активную роль играли архитектор-художник Карпович¹ и профессор Дубелир², которых я близко знал ещё по совместной работе в редакциях журналов «Городское дело» и «Земское дело». Я много говорил с ними о необходимости создания более широких возможностей для подготовки инженерно-технического персонала, вполне понимающего значение и задачи переустройства населённых мест, их благоустройства и планировки. Ещё в начале 1918 г. в статье «Сущность и задачи общего городского благоустройства», напечатанной в № 1 московского журнала «Врачебно-санитарное обозрение», я дал общее определение, в чём должно состоять благоустройство населённых мест. Основным отправным положением в ней была мысль о том, что в новых послереволюционных условиях любой город, населённое место должны стать общим удобным, хорошо технически оборудованным для производственной, социальной и культурной жизни коллективным жилищем. Город для всего трудового населения должен быть таким же удобным, безопасным и здоровым жилищем, как отдельная квартира или отдельный дом для каждой семьи.

Этот взгляд на общее благоустройство населённых мест лежал в основе всей моей работы в Музее города, начавшейся в 1918 г. Устройство в этом Музее Отдела коммунальной и социальной гигиены стало делом, которому я отдавал на протяжении первых пятнадцати лет советской власти больше всего сил и времени, которому посвятил все свои способности, всю жажду к созиданию, к творческому труду. А начиналось всё так. В конце лета 1918 г. я получил письмо от совершенно не знакомого мне до тех пор архитектора Л. А. Ильина³ с приглашением принять участие в частном совещании инициативной группы лиц, разрабатывающих проект устройства в Петрограде

¹ Карпович Владислав-Оттон Станиславович (1872–1937) — теоретик архитектуры, пропагандист малоэтажного строительства, председатель Ленинградского общества архитекторов, профессор строительного факультета Политехнического института.

² Дубелир Георгий Дмитриевич (1874–1942) — инженер-градостроитель, учёный. Внедрял в застройку городов идеи городов-садов (Киев, Крым); выдающийся деятель транспортной науки и техники, профессор Политехнического института.

³ Ильин Лев Александрович (1889–1942) — в 1925–1938 главный архитектор Ленинграда, автор проекта его Генерального плана.

особого музея для наглядного отображения и освещения всех сторон истории, современного состояния и перспектив дальнейшего развития города, как очага промышленности, культуры, науки и искусства.

В то время меня очень заботила судьба чрезвычайно ценных материалов гигиенической выставки 1913 г., остававшихся в разных местах в известной степени на моём попечении. Это были не только мои общие сводные материалы по земскому врачебно-санитарному делу, но и очень дорого стоившие санитарно-технические установки, модели водопроводных и канализационных сооружений, макеты зданий, графические планы и фото городских больниц, посёлков, санаториев, школьных зданий, учреждений пищевого обслуживания (боен, холодильников, рынков и т. д.). Огромную часть этих материалов составляли хорошо разработанные проекты строительства перечисленных объектов, не осуществлённые, невзирая на всю их необходимость, вследствие отказа в ассигнованиях со стороны городских властей. После революции, когда само трудовое население стало хозяином всего городского дела, неотложно необходимо было ознакомить его с основными нуждами городского благоустройства. Я считал, что именно для этого нужно было развернуть все имеющиеся наглядные материалы и пользоваться ими, как наглядными пособиями для просвещения широких народных масс. Также это необходимо было и для подготовки технических работников городского хозяйства. И вот именно тогда, когда я вынашивал эти планы, я и получил приглашение на совещание по разработке проекта устройства Музея города.

Первоначально эти совещания происходили у Л. А. Ильина, в его особняке на Крестовском острове. У меня складывалось впечатление, что ни сам Л. А. Ильин, ни другие участники инициативной группы толком не представляли себе о создании какого музея должна была идти речь. Они говорили, что это должен быть такой музей, каких ещё никогда и нигде в мире не было и нет, что предметом экспозиции должен стать *сам город*, а средствами экспозиции — искусство в его высших достижениях; что в музее должны найти яркое художественное отображение зарождение и развитие в городе зодчества, архитектуры, скульптуры, театрального искусства. Это были люди, совершенно лишённые понимания и чувства реальности, нужд масс городского населения. Я пытался спустить их планы с туманных высот служения искусству на реальную землю нужд городского хозяйства, потребностей населения в благоустройстве, в здоровых жилищах и улучшенном быте и, во всяком случае, на признание необходимости иметь в Музее города самостоятельный отдел «Население города, охрана и обслуживание его здоровья». Я изъявил готовность поставить и развивать именно такой отдел в Музее города.

В результате ряда совещаний было представлено соответствующее ходатайство в Совет комиссаров Северной Коммуны¹, находившийся в

¹ «Союз коммун Северной области» — административно-территориальное объединение в Советской России в 1918: Петроградская, Новгородская, Вологодская, Псковская, Олонецкая, Архангельская, Северо-Двинская и Череповецкая губернии.

Смольном. Ходатайство благосклонно было встречено Луначарским. Он лично принял и выслушал инициаторов. В совет по устройству Музея было введено несколько лиц, лично известных в Смоленском, в том числе доктор Жихарев для заведования отделом охраны здоровья населения города и пожилая дама — для заведования отделом народного образования. В «Известиях Совета комиссаров Северной коммуны» был опубликован специальный «Декрет об учреждении Музея города и передаче навсегда в его ведение Аничкова дворца со всею его усадьбой».

При осмотре Аничкова дворца наиболее сохранившимся оказалось главное здание. Все остальные строения, не занятые жильцами, были в полуразрушенном состоянии, с провалившимися полами, осыпавшейся штукатуркой. Главное здание, как представляющее наибольший интерес, с крупными залами, выдержанными в классическом стиле, было Л. А. Ильиным, считавшим себя директором-строителем музея, предназначено под развёртывание Отдела архитектуры города. Отдельное строение в глубине усадьбы, требовавшее наименьшего ремонта, было сразу определено для размещения в нём «Музея старого Петербурга», управление которого согласилось перевезти свои фонды в усадьбу Аничкова дворца и считать его частью Музея города. Для отдела «Охраны здоровья городского населения» были предоставлены помещения в наиболее разрушенном здании слева от портала, которое выходило на Фонтанку. Прежде чем размещать или собирать в нём экспонаты, нужно было восстановить провалившиеся полы. Чтобы не оттягивать дела, я воспользовался двумя комнатами освобождённой в соседнем флигеле квартиры и стал сносить в них из разных учреждений сохранившиеся модели, планы, фотоснимки, диаграммы и прочий музейный материал.

В одной комнате я разбирал материалы, а в другой — расставлял и развешивал отобранное. Доктор Жихарев считался заведующим отделом, но в этом деле он ничего не понимал, никакого участия в работе не принимал и не очень мешал созданию отдела.

Техническую работу по восстановлению и обновлению моделей помогал мне выполнять мой прежний сотрудник по подготовке экспонатов для Русского павильона Дрезденской выставки и для Всероссийской гигиенической выставки модельный мастер, столяр и муляжист И. А. Ильин. Во время чтения лекций на строительном факультете Политеха я для наглядности проводил некоторые занятия с демонстрацией моделей водопроводных и канализационных сооружений и больших планов городов в помещении, где занимался разборкой материалов в Аничковом дворце. Некоторые слушатели стали добровольно приходить и помогать мне в работе по устройству отдела. В свою очередь я помогал своим помощникам в выборе тем для дипломных проектов и подборе литературных источников. Моё увлечение идеями о такой планировке и застройке городов, которые обеспечивали бы равное для всего их населения благоустройство, удобства, здоровье, безопасность и культуру жизни, и мой энтузиазм передавались и моим молодым добровольцам-сотрудникам.

С первых же шагов подготовительных работ по устройству отдела фактически велась экскурсионная работа, посетителям излагались планы

дальнейшего развёртывания отдела. В отличие от музейных учредителей-архитекторов, которые считали, что главным предметом экспонирования должны быть здания, архитектура, т. е. сам город, я задавался вопросом, — а что же такое в основе своей город? И настойчиво выдвигал тезис о том, что на первом плане в изучении, познании и музейном экспонировании, отображении города должно быть население. Динамика населения, его развитие является первопричиной строительства и украшения города. Должны быть освещены в первую очередь пути и источники познания населения Петрограда, показана его численность, состав и изменения, в нём происходящие. Для большей наглядности я приводил сравнение города с рекой.

Когда говорят о любой реке, на чём, прежде всего, останавливают внимание? Разумеется, на мощности, на размерах реки, на её ширине, глубине, скорости её течения. Исследуются речное русло, берега, их характер. Изображается извилистость русла, перемены в направлении течения, повороты и образуемые рекою острова, отмели, перекаты. Однако ведь не берега, не русло, не дно образуют реку, а вода, которая пронесется по руслу. Это она составляет само существо реки. Это вода несёт на себе суда и лодки. Вода в своей толще и в своих то ниспадающих и покрывающихся зыбью, то движущихся ровными струями, то покрывающихся пенными волнами живых массах создаёт истинную красоту реки. Только она связывает в одно целое весь ландшафт прибрежных лугов и лесов, круч и широких пляжей. Это в воде развивается вся жизнь реки. Да и сами берега со всеми их образованиями: с пойменными низинами и террасами, скалистыми ущельями и обрывами — всё это только продукт работы воды, заключающейся в ней энергии.

Совершенно тем же, чем вода для реки, является людская масса, население для города. Когда описывают город, останавливают внимание, прежде всего, на его расположении, на его улицах, площадях, садах и парках, монументальных зданиях и жилых домах, на фабриках, заводах, мостах, на его благоустройстве и хозяйстве. А между тем, всё это лишь отражение и продукт деятельности людей, которые и есть существо города, его истинное содержание.

Когда мы смотрим на реку, отдаёмся красоте её широкой глади, любимся её течением или меряем взглядом её ширину и глубину, думаем ли мы о том, что в каждый миг перед нами уже не та вода, что протекала в предыдущую минуту? Вода течёт, уходит и заменяется другою, но основные причины, определяющие количество проходящей воды в каждый конкретный момент, продолжают действовать и в последующие моменты, и изменчивая текучесть воды не мешает нам полагаться на наши измерения ширины и глубины реки и этими измерениями характеризовать жизнь проносимой массы воды.

При поверхностном взгляде город представляется нам сочетанием зданий и площадей, домов и улиц. А между тем, его существо — это его население. Оно, как вода в реке, имеет живой меняющийся состав, находится в процессе постоянной смены. Каждый миг некоторая часть населения выбывает — умирает или уезжает, другая часть вновь появляется в составе жителей города, рождается, вырастает или прибывает извне. Как мощностю текущего перед нами потока мы определяем его шириной и глубиной,

быстротой течения, так и население города определяем его численностью, устанавливаемой при народных переписях, характером его расселения, т. е. отношением его массы к занимаемой площади или всей территории города, к построенным жилым домам и к их ёмкости, плотностью и скученностью¹, его возрастно-половым составом и теми изменениями в нём, которые происходят от смертей и рождений (естественное движение населения), а также от прибытия и выбытия (иммиграция и эмиграция, или механическое передвижение, переселение населения). Оба последние изменения — и естественное, и механическое движения населения устанавливаются соответственно поставленными, постоянно ведущимися записями и их учётом, т. е. текущей статистикой.

Чтобы сохранить хронологию, посвящу несколько страниц событиям личной жизни. Выше я рассказал о поездке моей в Череповец по вызову председателя губисполкома в мае 1919 г. Должен сказать, что я с тем большей готовностью откликнулся тогда на это приглашение, что оно совпало с моим неотступным стремлением найти возможность поехать именно в этот город, чтобы повидаться с Екатериной Ильиничной, которая ждала от меня ребёнка. Выписавшись из больницы, она уехала весною 1919 г. из Петрограда, приняв место второго врача в череповецкой губернской больнице. Меня охватывало беспокойство о состоянии здоровья Екатерины Ильиничны. Я не знал её дальнейшие планы.

По приезде в Череповец я разыскал Екатерину Ильиничну и познакомился с главным врачом больницы, под началом которого она работала. Доктор Стрельцов был хорошим хирургом, но держал себя не совсем обычно, казался большим чудачком. С ним жили два его младших брата. Они собирались поступать в Политехнический институт и очень интересовались условиями жизни его студентов. Знакомство с доктором Стрельцовым продолжалось у меня в течение нескольких лет. Поступившие в Политехнический институт оба его брата некоторое время были частыми посетителями «Полоски». Приезжавший их навещать доктор Стрельцов также обычно останавливался у нас. Это было в годы, когда никакой возможности остановиться в гостинице не существовало.

В конце августа 1919 г., преодолев все транспортные трудности, Екатерина Ильинична, не останавливаясь в Петрограде, проехала в Москву. Там она остановилась у самого близкого ей человека — Марии Александровны Тумаркиной, работавшей в специальной глазной больнице и жившей в Замоскворечье вместе с двумя своими сёстрами. Мой сын Илья родился в сентябре 1919 г. в родильном отделении Морозовской больницы. Трудное было то время для матери и ребёнка, очень скудны возможности питания для матери. Ребёнок голодал от недостатка материнского молока. Достать его для прикорма было невозможно. Мучительно трудно вспоминать мне и теперь, много лет спустя, о тревогах и волнениях в ожидании вестей из Москвы.

Поездка в Москву без специальной командировки осенью 1919 г. была невозможна, и мне только уже зимою удалось приехать и добиться

¹ Плотность — число душ на 1 гектар; скученность — число душ на 1 комнату в среднем, или число квадратных метров жилплощади на душу.

в ЗАГСе, чтобы была заполнена в документе о рождении Илика соответствующая графа об отце с моею собственноручной подписью. Это было совершенно бесспорное право ребёнка, чтобы его документ о рождении был оформлен так же, как документы других советских граждан. Но это было также и моё отцовское право, в оформлении которого только что зарождавшаяся загсовская бюрократия пыталась мне отказать. Я совершенно был убеждён в своей правоте и, в конце концов, заставил считаться с моим правосознанием.

Выписавшись из родильного отделения, Екатерина Ильинична временно жила у М. А. Тумаркиной, но как только оправилась, усиленно начала искать место врача вне Москвы, где легче было бы как-нибудь прокормиться и ей, и сыну. Теперь вообще невозможно представить себе, с какими трудностями, лишениями и прямо героической решимостью была сопряжена тогда поездка из Москвы для ознакомления с условиями предлагавшейся работы. Уже после моего отъезда из Москвы Екатерина Ильинична взяла место врача в Бородине — заведовать участковой больницей и вести ежедневный приём в амбулатории с выездами также к больным в окрестные сёла. В суровых зимних условиях пришлось переезжать из Москвы по железной дороге, а затем от станции — на лошадях. Огромная загруженность амбулаторной работой, частые выезды к больным, необходимость доставать хотя бы самое скудное пропитание — всё это было возможно только благодаря тому, что удалось найти деревенскую девочку в качестве няни.

Из-за лекций и работы по созданию Отдела коммунальной и социальной гигиены в Музее города я смог только в апреле 1920 г. вновь побывать в Москве и получить через московский губздравотдел направление для поездки в Бородино. На рассвете я вышел на станции. Расспросил, как пройти до Советской участковой больницы, и, не теряя времени, пустился в путь. Несколько километров дорога проходила по полю Бородинского боя, и я без путеводителя при восходе солнца проходил от памятника к памятнику, прочитывая надписи на обелисках и мемориальных досках. Подошёл, наконец, к речке и, пройдя ещё несколько километров, увидел парк и рядом с ним здание, в котором, по моему предположению, могла помещаться участковая больница. Ни одной живой души в такой ранний час нигде не было видно. Спросить не у кого. Утренний холод, усталость, да, пожалуй, ещё и неприятное чувство голода не очень располагали к терпеливому ожиданию, пока повыше подымется солнце. У запертых ворот я без всяких приключений перебрался через ограду. Долго стучался у первой входной запертой двери в каменный дом. Безрезультатно. Стал обходить дом и заглядывать в окна. Зимних рам уже не было. В довольно большой комнате я увидел через стекло кого-то спящего на кровати, а подде кровати детскую постель. Я сильно постучал в окно. Проснувшаяся Екатерина Ильинична подошла к окну. Никакой подоконник не помешал мне войти в комнату раньше, чем удалось найти и добудиться дежурного сторожа. Я провёл в Бородино несколько дней.

Помногу часов, пока Екатерина Ильинична была занята амбулаторным приёмом, сидел я на высоком обрывистом берегу реки, за которой расстилалась мягкая весенняя зелень луга, видны были избы ближайшей деревни.

Я был не один. Тёплое солнце ласкало моего уже полугодовалого сына, которому я срывал ветки ивы с распутившимися нежными листочками и пушистыми «котиками». Он уже начинал улыбаться, а срываемые для него ветки, листья и цветки пока что, увы, развлекали только меня.

Другой мой приезд в Бородино состоялся в начале июня. За два-три месяца жизненные проявления тогда уже девятимесячного сына значительно расширились и сделались гораздо более оживлёнными и интенсивными.

Памятен мне отъезд из Бородина в июле. Рано утром опять вышел я на Бородинское поле. Опять перед моими глазами, вблизи и на километры вдаль высились памятники великого Бородинского сражения. На станции узнал, что поезда на Москву со вчерашнего дня не было, что попасть на него очень трудно, много пассажиров на станции ждут уже целые сутки. Но мне, во что бы то ни стало, нужно было возвращаться в Петроград, так как истекал срок моей командировки. Я набрался решимости как-либо попасть в поезд. Однако решимость эта не привела ни к каким результатам. Когда поезд остановился, миновав станцию, я успел добежать до него и даже пробежать вдоль всех вагонов, но все они, все ступеньки были плотно забиты людьми. Все эти счастливицы, едва державшиеся на ступеньках, были глухи к мольбам и просьбам пропустить в вагон. Да и куда в вагон, когда там людям стоять тесно и двинуться невозможно! С отчаянием смотрел я на удалявшийся состав с висящими на ступеньках и плотно заполнившими проходы людьми. Что было делать? Возвращаться обратно? После переговоров со станционными служащими я узнал, что есть надежда на прибытие внеочередного теплушечного состава. В течение нескольких часов прогуливался я подле станции, подсаживался к группам таких же, как и я, чающих появления поезда. Наконец он появился. Раздвижные двери во всех вагонах были закрыты. Попытки открыть их были безуспешны, изнутри их удерживали люди, плотно, до отказа заполнявшие теплушки. Кое-как мне удалось, несмотря на сопротивление, просунуть руку в слегка раздвинутую в одном вагоне дверь и с огромными усилиями подняться. Поезд уже начинал двигаться, и я умолял впустить меня. Откуда-то из глубины вагона раздался неожиданно голос, называвший меня по имени и отчеству, и твёрдо, решительно требовавший впустить меня в вагон. По голосу узнал меня оказавшийся в толпе пассажиров Артемий Яковлевич Закс, замечательный педагог, зам. директора Лесновского коммерческого училища, хорошо знавший меня как председателя родительского комитета. Как мог узнать Артемий Яковлевич мой голос, хотя в течение двух-трёх лет мне не приходилось с ним встречаться? Как могла у него появиться мысль обо мне здесь, вдали от Петрограда? Для меня это и сейчас представляется непостижимым. Как бы то ни было, только благодаря этой сверхъестественной случайности я доехал до Москвы, а оттуда, хотя и с опозданием на два дня, добрался до Петрограда.

Осенью Екатерина Ильинична переехала в Петроград. Остановилась у сестры. Илику уже было больше года. Я помогал носить его в консультацию для обеспечения ему карточки на получение молока. Стойко преодолевая все трудности тогдашнего положения, Екатерина Ильинична переехала ещё до наступления зимы в Старый Петергоф, где приняла на себя заведо-

вание детской инфекционной больницей. В отдельном небольшом деревянном домике при больнице была квартира для врача.

Нелегко было добираться из Лесного до Балтийского вокзала, а затем до станции Старый Петергоф. Я проделывал этот путь каждую неделю, оставался обычно с Иликом все праздничные дни. У меня сохранилось несколько тетрадей с наблюдениями за развитием «второй сигнальной системы» у Илика (на втором и третьем году жизни) и за первыми признаками зарождения складывавшейся его человеческой личности.

Когда выпал снег, я смастерил самодельные санки (купить или заказать в то время было невозможно). Не без опаски садился сначала Илик в этот «экипаж», но затем превозмог свою робость, привык и всякий раз, когда я приезжал, мы отправлялись с ним в отдалённые, иногда многочасовые и рискованные прогулки: к Бобыльску и взморью, или в занесённый снегом парк, к пустовавшему Английскому дворцу.

В марте 1921 г. Екатерине Ильиничне с Иликом пришлось в течение почти двух недель пережить полный перерыв сообщения с Петроградом, совершенный отрыв от всех близких людей и все ужасы фронтовой обстановки во время ликвидации Кронштадтского восстания. Снаряды морских линейных кораблей и кронштадтских батарей в течение нескольких дней проносились над больницей, в которой на это время приютилась Екатерина Ильинична с сыном. От разрыва снарядов были разбиты все оконные стёкла. В помещениях гулял ветер, было холодно, жутко. Только после окончательной ликвидации кронштадтской эпопеи восстановилось движение поездов, и мне удалось приехать в Старый Петергоф.

В апреле уже были возможны пешие прогулки с Иликом, он к этому времени уже научился «неутомимо» ходить. Держа его за руку, а чтобы сказать правду — держа его на руках, я совершал длинные прогулки к морю, где над береговыми полыньями носились стаи диких уток, а в разбросанных в стороне от дороги отдельных мызах мы видели гоготающих гусей, козу или свиней. В иные из этих довольно отдалённых мыз не раз ходил я и один, без Илика, чтобы достать для него два–три стакана молока. Для Екатерины Ильиничны это была очень трудная задача. После тяжёлого рабочего дня, в осеннее ненастье и в зимнюю стужу ей приходилось ходить по округе, чтобы выменять бутылку молока за какие-нибудь принадлежности платья. Что мог сделать я, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить ей эту задачу? Когда у нас на «Полоске» были козы, и каждый получал по стакану молока после утренней и вечерней дойки, я собирал свою долю в чистую бутылочку, как бы для того, чтобы выпить его с куском хлеба вместо завтрака на работе, и привозил это молоко сыну. Многими часами, пока Екатерина Ильинична была в больнице, Илик оставался на открытом воздухе, пока я заготавливал топливо для плиты из сухих веток, оставшихся в местах вырубki деревьев, или вскапывал в апреле и мае землю под посадку картошки.

Чтобы использовать мои еженедельные поездки в Старый Петергоф для моей работы, я согласился взять предложенное мне санитарным врачом Ходатом место врача в специальном детском доме для дефективных детей школьного возраста. Большим общественным бедствием в тот период была беспризорность детей, уезжавших с поездами, под кузовами ва-

гонов, скрывавшихся в городских трущобах, в канализационных колодцах. Нередко эти беспризорники были участниками всяких правонарушений, носителями детской преступности. Устраивались многочисленные облавы для их поимки и помещения в детские дома и специальные учреждения для дефективных. Одним из таких учреждений и была в Старом Петергофе «школа-приют для дефективных». Врач школы должен был посещать время от времени эту обитель для принятия мер противоэпидемического характера (прививки), для надзора за санитарным благоустройством помещений и самого школьного участка и для участия в заседаниях совета школы. За это врач мог получать частично продовольственный паёк.

Не без колебаний принял я эту работу. Я посоветовался с профессором Грибоедовым¹. Несколько недель добросовестно штудировал литературу о дефективных детях и учреждениях для попечения, воспитания и обучения их. Несколько раз побывал на заседаниях совета школы, настойчиво добивался улучшений в санитарной обстановке помещений для детей, вёл беседы о соблюдении мер личной гигиены с одной из старших групп воспитанников. Но вскоре я решил окончательно отказаться от этой должности. Воспитатели и директор школы были сторонниками крутых дисциплинарных мер и вместо атмосферы доверия к воспитателям, педагогам и врачу у детей было затаённое злобное чувство мести и вражды. Преодолеть эту атмосферу можно было бы только настойчивой, долгой работой, прежде всего, с воспитателями, но об этом совершенно и думать было нельзя без смены директора. Взвесив свои силы и возможности, я пришёл к выводу о необходимости отказаться от работы в этом детдоме.

В ноябре 1921 г. Екатерина Ильинична переехала из Старого Петергофа в Володарское (бывш. Сергиево), заняв место врача детского учреждения. Отведённая для неё квартира имела отдельный вход, но состояла всего из одной довольно просторной комнаты. Чтобы навещать Екатерину Ильиничну и Илика, мне нужно было из Лесного трамваями добираться до Нарвских ворот. Оттуда уходил трамвай к «Красному путиловцу», а там, доехав до «Красного кабачка», сесть в загородный трамвай, с большими перерывами ходивший до Стрельны. Когда напряжение тока в сети было слабое, трамвай останавливался, и последние несколько километров нужно было идти пешком.

Поездки в Володарское заставляли познать все трудности транспорта и были подлинной школой выносливости и терпения. В то же время они обогащали знанием подлинной обстановки и условий городской жизни. Екатерина Ильинична предпочла переехать из Старого Петергофа, чтобы не работать в инфекционной больнице в постоянной тревоге подвергнуть опасности заразить Илика.

Недолгое пребывание в Сергиеве вскоре сменилось для Илика на долгие годы жизнь в более благоприятных условиях в Детском Селе², куда

¹ Грибоедов Адриан Сергеевич — профессор психиатрии, организатор и руководитель Невропатологической клиники в Петрограде (1920).

² Так было названо в 1918 бывшее Царское Село. В 1937 Детское Село было вновь переименовано — в город Пушкин.

Екатерина Ильинична перешла на работу по устройству и заведованию санаторием для малышей (с мая 1922 г.). Начались годы чрезвычайно напряжённой для неё работы. Я же в те же годы был поглощён развёртыванием Отдела коммунальной и санитарной гигиены в Музее города, занят подготовкой к лекциям в Медвузе (ГИМЗ) и Институте усовершенствования врачей, руководством экскурсиями, подготовкой к печати ряда работ, в связи с чем мне приходилось много работать в Публичной библиотеке. Но в выходные дни я отрывался от всех этих дел и от работы на «Полоске» и переносился в другой мир, в мир сказочной красоты детскосельских парков, в мир впитывания вечных непостижимых, загадочных и захватывающих природных движений. По существу, гуляя с Иликом, я вновь переживал вместе с ним те дни, когда «нам новы все впечатленья бытия». Приведу здесь некоторые выдержки из сохранившихся моих записей.

«20 мая – 30 июня 1922 г. — Илик с мамой живут в чудесном помещении на берегу нижнего пруда в Детском Селе, среди великолепных дубов, лип, клёнов и сосен. Из окна комнаты — пленяющая картина: на зелени луга среди нескольких групп островов у самого берега пруда пасутся коровы и козы. В пруду постоянно плещутся десятки купающихся детей. За прудом на пригорке группы высоких деревьев, аллея из лиственниц, а дальше на горе среди зелени белеют стены дач.

...Здесь Илик проявляет гораздо больше самостоятельности, чем в Сергиеве. Сам убегает в другой конец дома на кухню, сам выходит во двор... Во время прогулок в парке Илик пробирается со мной ко всем перепадам воды из прудов по камням, хорошо уже знает статую Геркулеса, спящей Ариадны, Фавна и др. Знает в лицейском саду статую «Пускина». ... Систематически я ходил с Иликом далеко в лес, в направлении Павловска. Мы собирали грибы, ловили бабочек, стрекоз и лягушек.

Когда Илик с Екатериной Ильиничной приезжали в Петроград, чтобы погостить у тёти, я встречал их у вокзала, и мы гуляли пешком по Невскому от Литейного. По сути Илик вполне сознательно рассматривал в окнах магазинов игрушки и выставленные товары, а на улице — лошадей и особенно «моторы» и машины. ... Когда Илику до 3-х лет ещё не хватало двух месяцев, по развитию умственных способностей он подходил (во многом) скорее к ребёнку пяти–шести лет, однако оставался отнюдь не напичканным интеллигентским «скороспелкой», а прелестным, здоровым, естественным ребёнком... Он рано запомнил все стихотворения, которые я ему рассказывал перед сном: «По синим волнам океана», «Трубадура» и «Русалку, и «Песнь о соколе», и «Песнь о вещем Олеге». При гостях он читал их с экспрессией, подражая мне...».

Что касается семейной жизни моей на «Полоске» с Любовью Карповной, то с 1923 г. связано у меня такое воспоминание. 14-го ноября того года исполнилось 25-летие нашей с ней совместной жизни, и Любовь Карповна устроила в узком кругу близких родственников вечер. У меня сохранился листок из настольной записной книги Любови Карповны, на котором я написал посвящённое этому дню стихотворение. Первые буквы 12 строк этого стихотворения раскрывают само посвящение: «Любе от Захара». Приведу этот случайно уцелевший листок:

Длюбимому другу и спутнику жизни
Юности радость вернуть бы хотел.
Бодрость и мудрая жизни покорность
Есть наш завет и удел.
Осени дни средь ненастья дождливого
Также и радость сулят.
Знойного лета цветам упоительным
Астры на смену спешат.
Хризантемы красой обворожительной
Ароматный жасмин заменяют.
Роз не жалеет, привлекают цветы своим
Ароматом, но жалят шипы тем большей...»

На вечер к нам приехал из Москвы брат Любви Карповны — Иван Карпович Полтавцев с женой Марией Михайловной. Иван Карпович за вечерним чаем вспомнил о прежних наших встречах в 1898 г. в Петербурге, в 1903 г. — в Сновске и в 1911–1912 гг. — в Берлине, рассказывал, что у него сложилось впечатление о знании моём наизусть большого числа творений Пушкина и Некрасова. Он попросил прочитать без подготовки какие-нибудь лирические стихи того и другого поэта. Исполняя его желание, я сказал первое пришедшее мне на ум непревзойдённое по красоте и силе лирического вдохновения стихотворение Пушкина «Я помню чудное мгновенье», а в качестве образца некрасовской лирики сказал его «Три элегии» («Ах, что изгнанье, заточенье, — захочет, выручит судьба»). Я не был уверен, помню ли я это довольно длинное стихотворение, но, начав говорить, к немалому своему изумлению, благополучно, без заметных запинок, сказал все три части этой элегии. Читая его, я не вкладывал в него никаких автобиографических намёков и был глубоко огорчён тем, что Любовь Карповна с нескрываемым неудовольствием отнеслась к этому моему семейному «эстрадному выступлению».

Но вернёмся к моей профессиональной деятельности. Как и во многих других случаях, я не могу по памяти точно установить, в котором году был первый после Октябрьской революции санитарно-технический съезд. Но в памяти встают у меня связанные с этим съездом яркие, интересные картины и события. Очень хорошо помню, что съезд начался в Баку, в апреле, и был очень хорошо организован. В распоряжение участников для поездки на Шоларские источники был предоставлен Баксоветом специальный поезд. А закончил свою работу съезд в Тифлисе, где его участников чествовали обедом на только что начавшемся строительстве Земо-Авчальской ГЭС на реке Куре. Обед проходил в обширном сарае, только что построенном для размещения рабочих, начавших прибывать на строительство плотины. Сооружение ЗАГЭС происходило в 1923–1926 гг. Из этого можно заключить, что съезд мог проходить либо весной 1923 г., либо в 1924 г., но не позднее.

Первый раз видел я Баку. Весь город, а не только Чёрный город, где были нефтеперегонные заводы, был окутан чёрным дымом, будто мрачная стена стояла над домами. Дым заполнял, пронизывал весь воздух. Причудливый вид городу и окрестностям придавали бесчисленные вышки нефтяных скважин. До открытия заседаний съезда в ранние утренние часы я обходил

разные части города. И Старую крепость, где люди жили в тесной каменной застройке, как в муравейнике, и вползавшие на горы татарские лачуги среди кладбищ и каменных нагромождений, и новые «европейские» кварталы в районе Бакинского совета и в районах, примыкавших к Морской набережной, и новейшую застройку Арменикенда. Но, разумеется, я вновь и вновь возвращался к Биби-Эйбату и подолгу оставался там. Там велись работы по бурению новых скважин и работали, отводя нефть и изливая ручьи бросовой воды, нефтяные скважины. Заходя в квартиры, в жилища разных рангов, от отдельных мелких построек до новых жилмассивов, я, прежде всего, убедился, что стоявший чёрной пеленой в городе дым происходит не от заводских труб, а из тысяч дымоходов, выходящих из жилищ рабочих. Уходя с работы домой, все рабочие несли с собой ведёрки с нефтью, которой отапливали свои квартиры. Их отопительные приборы и плиты были крайне примитивны, совершенно не обеспечивали сгорания нефти, и большая её часть уходила из дымоходов в виде чёрных мрачных туч. Казалось, это вопрос ближайшего времени: для экономии нефти устроить в городе теплоэлектроцентрали, сплошную теплофикацию и газоснабжение всех жилых помещений, чтобы ликвидировать задымление воздуха. Во многих домах в городе встречались колодцы, но вода в них была солёная и для питья непригодная. Баку снабжался водой из горных Шоларских ключей (в 186 км от города). Собранный там каптажными сооружениями (по проекту Линдлея) вода поступала в Баку по самотечному бетонному водоводу. На нём, по-видимому, произошли какие-то повреждения, вследствие чего в годы, предшествовавшие съезду, стали обнаруживаться признаки ухудшения качества воды. Очень остро стоял в Баку вопрос об ускорении строительства канализации. Проект её был разработан местными инженерами.

Собирая санитарно-технический съезд в Баку, его организаторы рассчитывали подвергнуть всесторонней оценке и экспертизе проекты строительства в городе канализации и коренного улучшения Шоларского водовода. Гвоздём съезда был выезд на головные сооружения этого водовода и осмотр его всеми участниками. Для этого нам был предоставлен специальный поезд. Прибыв на Шоларские ключи, мы осмотрели великолепные по замыслу и выполнению каптажные и водосборные сооружения и заслушали заключения производивших экспертизу комиссий. Совершенной неожиданностью для нас был сервированный на горной лужайке на коврах обед с большим количеством местных вин. К обеду пришли большими группами гостеприимные хозяева — жители соседних сёл в национальных костюмах, с оркестрами и хорами. Они обратились к съезду с приветственными речами на азербайджанском языке. С ответной речью на тюркском языке выступил Д. С. Черкес. Обед вылился в непринуждённое дружеское общение участников съезда с празднично одетыми жителями. На лугу развернулись разные виды самодеятельного искусства — народные кавказские хороводы, песни, музыка и пляски.

На обратном пути поезд останавливался в тех местах, где были обнаружены разрушения водовода. Члены съезда осматривали их и выслушивали заключения специальной комиссии о причинах разрушений. На одном участке водовод был временно выключен для ремонтных работ. Вода пере-

давалась на время ремонта по напорной трубе. Вместе с несколькими другими членами съезда под руководством известного специалиста по бетону профессора Байхова я прошёл весь выключенный участок, протяжением в несколько сот метров, внутри водовода для непосредственного ознакомления с характером разрушений от просачивания сульфатных грунтовых вод и способами ремонтных работ. Вся поездка прошла очень оживлённо.

По прибытии в Тифлис я, как всегда, воспользовался случаем, чтобы ознакомиться со столицей Грузии, в которой никогда прежде не бывал. Сады были в это время в полном цвету. Голубоватые кисти глициний украшали стены многих домов. Палисадники придавали красоту широким улицам.

На съезде были сделаны доклады о состоянии тифлисского водопровода и о проекте его коренного переустройства за счёт переноса водозабора на несколько десятков километров выше до впадения Арагвы, со взятием подрусловых горно-грунтовых вод. Все участники съезда отправились на Куру, на водопроводную станцию с оригинальными, довольно примитивными устройствами для введения в воду коагулянта путём протекания воды из реки через особого устройства корзины, заполненные кусками твёрдого коагулянта. Участники съезда были приглашены ознакомиться также с только что начавшимися тогда работами по сооружению крупнейшей в то время Земо-Авчальской ГЭС. После осмотра работ и ознакомления по чертежам со всем проектом, в бараке, служившем столовой, состоялся обед с участием руководящего инженерно-технического персонала строительства и большого числа рабочих — с речами и тостами, отражавшими глубокий и искренний энтузиазм, охвативший не только строителей, но и всех нас, видевших своими глазами зарождение одного из величавых проявлений мощи человеческого гения и силы, направленной коллективной воли и организованного массового труда. Замечательной стороной этого самопроизвольно возникшего банкета, как и обеда на коврах среди горного луга с участием жителей горных аулов, было полное отсутствие самонадеянности и напора на племенную рознь или какого бы то ни было чувства национального превосходства. Все ощущали себя одинаково нужными участниками великого коллективного дела общенародного возрождения и строительства.

По окончании съезда обратный путь в Петроград я совершил вместе с группой других членов съезда через Батуми. Здесь я провёл всего лишь один день. Но и в этот один день имел возможность убедиться в коренной разнице климата (по степени влажности) в Баку и в Батуми. Пока я прогуливался по улицам и набережной Батуми, разглядывая его субтропическую растительность, я два раза должен был спастись в подъездах домов от непродолжительного, но внушительного ливня. Краткость пребывания и стремление как можно больше посмотреть за один день, да, пожалуй, ещё и усталость стали причиной стёртости восприятия особенностей природы Батуми.

Такие же неяркие впечатления остались у меня и от Кутаиси, где я пробыл несколько часов, от реки Риони, от низменной, почти заболоченной долины у самого города, от огромного разрушающегося храма со своеобразным куполом. В то время ещё не было гидроэлектростанции на Риони и о строительстве Рионгрэса ещё не было и речи.

Полный восстанавливающий отдых получил я на пароходе, на котором проплыл от Батуми до Туапсе. В Туапсе провёл всего один день, употребив его на прогулки в окрестностях по склонам гор, покрытым ярко цветущими азиями. Успел побывать в хорошо оборудованном здании морских ванн и воспользоваться подогретой морской ванной. Из Туапсе вернулся в Петроград поездом.

И на съезде, и на обратном пути в беседах с инженерами, заведовавшими водопроводными сооружениями и строительством канализации в разных городах, я заручился обещаниями, что по возвращении они вышлют чертежи, планы и проекты прежних и вновь строящихся или проектируемых коммунальных и санитарных сооружений для нашего Музея города. Так, всякое участие в съездах и конференциях по коммунальному строительству, всякая моя поездка или экскурсия содействовали обогащению и пополнению становившихся все более обширными коллекций и собраний экспонатов Отдела коммунальной и социальной гигиены.

Как уже было сказано выше, поначалу были отобраны и отремонтированы некоторые сохранившие своё значение модели и материалы, относящиеся к благоустройству городов. Первоначально они были размещены в шести комнатах одного из задних флигелей усадьбы Аничкова дворца. В 1919 г. Отдел получил в своё распоряжение здание, в верхнем этаже которого были вскоре восстановлены 15 комнат для размещения наших экспонатов. При переименовании мною Отдела охраны здоровья в Отдел коммунальной и социальной гигиены его задачи были расширены: он должен был показать «с возможно полной наглядностью и полнотою все те стороны в жизни городов, их благоустройстве и коммунальном хозяйстве, которые ближайшим образом отражаются на социальном здоровье или имеют своим предметом достижение улучшений в санитарном состоянии города, либо обслуживание санитарных нужд его населения».

Только с лета 1920 г. оказалось возможным приступить к систематическому восстановлению помещений, освобождёвшихся в отведённом для Отдела здании. После периода 1918–1921 гг. эти помещения находились в полуразрушенном состоянии. Во время наступления на Петроград Юденича внутригородская линия обороны была создана по правому берегу Фонтанки и все отведённые для нас помещения были завалены мешками с песком с амбразурами между ними. После разгрома Юденича нам пришлось немало потрудиться, чтобы очистить помещения от земли и песка. В 1923 г. из нескольких комнат второго этажа и бывших над ними мансард оборудован был библиотечно-читальный зал. Этот зал в два света, с верхней открытой галереей для книжных шкафов, украшен был портретами главнейших учёных и деятелей в области коммунальной и социальной гигиены (Петтенкофера¹, Эрисмана, Пирогова, Вирхова, Осипова, Янсона и др.).

В 1924–1925 гг. путём уничтожения антресолей, удаления многих простенков и пролома капитальных стен все выходящие на Фонтанку помещения первого этажа были объединены в один общий выставочный зал

¹ Петтенкофер Макс (1818–1901) — немецкий гигиенист, основоположник экспериментальной гигиены, президент Баварской АН.

с удобными и приспособленными специально для размещения соответствующих экспонатов отделениями. Этот образовавшийся из полутора десятков мелких, низких, полутёмных, а отчасти и совершенно тёмных, без всяких окон антресольных помещений, закоулков и переходов — новый обширный, хорошо освещённый, освобождённый от загораживавших окна разгородок и полов зал с высокими сводчатыми потолками представлял собой, в сущности, восстановленную аркаду бывшего здесь когда-то в первоначальной постройке Дж. Кваренги гостиного двора с выходящими в неё торговыми помещениями. В этом зале, между прочим, по моей просьбе, была под руководством инженера В. И. Паншина построена в одной из ниш модель в натуральную величину разреза петроградской улицы с её булыжным верхним покрытием, откосами, примитивными лотками и поливной тумбой, узенькими тротуарами, отмошками, пожарным стендером и всеми подземными сооружениями — деревянной и — более новой — бетонной канализацией, старыми петровскими водопроводными трубами и современными водопроводными магистралями, электрическими кабелями, газовыми трубами, контрольными и др. колодцами. Здесь же специально приспособлены были простенки для размещения наиболее крупных планов канализации и водоснабжения, таких, как общий проект канализации Петрограда, планы существующей канализационной сети Москвы, Киева, Харькова, план водопроводной сети Петрограда, Одессы и проч. Тогда я так был поглощён строительством и развитием музея, что каждый экспонат, которым удавалось обогатить наш Отдел, был для меня целым событием и до сих пор не изгладился в моей памяти.

После коренного переустройства нижнего этажа и приспособления его для музейных потребностей экскурсии последовательно проходили через все помещения по принципу одностороннего движения, без столкновения с встречным потоком экскурсантов.

Развёрнутые в залах Отдела экспозиции призваны были показать социально-экономические факторы расселения жителей города и неизбежное их отражение на всех формах городского благоустройства и на физическом благополучии, на здоровье, заболеваемости, смертности и развитии населения. С этой точки зрения рассматривались последовательно план и застройка населённого района (города, посёлка), характер его домов и квартир, оборудование улиц, обеспеченность свободными пространствами и зелёными насаждениями, влияние этих условий на состояние воздуха, воды и почвы.

Всесторонне и наглядно обрисовывались при этом социальные отрасли коммунального хозяйства, направленные на санитарное благоустройство города: вся система и все сооружения по очистке городов; канализация и обезвреживание сточных вод; захоронение и кремация; водоснабжение и очистка питьевых вод, их озонирование и хлорирование, а также ключевое, артезианское и запрудное водоснабжение, городская водопроводная сеть и водомерное хозяйство. Так же подробно освещалась важнейшая для здоровья и жизни населения область общественного питания и коммунальных предприятий: организация снабжения городов продовольствием — мясом, рыбой, молоком, хлебом и пр. Широко были представлены материалы о го-

родских рынках, базарах, бойнях, холодильниках и пр. Сюда же входили, между прочим, и богатые коллекции муляжей и наглядных материалов известного мясного музея имени магистра ветеринарных наук М. А. Игнатьева¹, и вновь устроенные под руководством профессора М. Д. Ильина стенды о снабжении городов рыбными продуктами, и, наконец, собрание экспонатов Ленинградского союза потребительских обществ (ЛСПО) с крупными моделями молочных ферм, хлебопекарных заводов и пр. Несколько залов были посвящены средствам ограждения населения от эпидемических болезней — паразитарных тифов, холеры, чумы и пр. В них были сгруппированы наглядные материалы (модели, планы, снимки, чертежи) городских бань и прачечных, так называемых пропускных бань и других, предназначенных для той же цели учреждений, врачебно-наблюдательных станций в портовых городах и пр. Сюда же примыкали наглядные материалы по изображению жилищных условий тех групп населения, которые заслуживают особого внимания с точки зрения ограждения городов от эпидемической опасности — судоремонтных и портовых рабочих, ночлежников, обитателей коечно-каморочных и угловых квартир.

В Отделе были собраны обширные материалы, отображающие предпосылки возникновения в городах так называемых социальных болезней, а также мероприятия в области социальной профилактики и борьбы с ними. При этом предметом изучения и экспонирования являлись не человеческий организм и его здоровье (это входило в задачу музея губздравицы), а город и его население, как социально-экономическая и коммунально-хозяйственная организация. Среди экспонатов на первом плане стояли материалы по Ленинграду, однако всюду они сопоставлялись с однородными материалами других наших и иностранных городов, в особенности таких, достижения которых в области санитарного благоустройства и гигиены представляли наибольший интерес.

Экспонаты Отдела составляли следующие 16 групп:

I. Город как общее жилище и его влияние на социальное здоровье, с подгруппой санитарно-демографических данных о населении городов.

В эту группу входили крупные модели разных видов изолированного, отдельно расположенного человеческого жилища, как первой противоположности городского и сельского расселения. На макетах легко воспринималась чрезвычайно важная для правильного понимания сущности городского благоустройства идея, что жилищем служит не только постройка, но и окружающее её место, где люди в благоприятную погоду отдыхают, даже едят и спят, и где значительную часть времени под открытым небом остаются дети.

В модели целой деревни резко выступала внутренняя связь жилищ и очевидный факт, что не только каждый двор и усадебное место являются органической частью жилища каждой семьи, но и лежащая между рядами изб или домов улица. Другими словами, жилище людей — не отдельная

¹ Игнатьев М. А. — инициатор открытия в 1882 в Петербурге первой в России станции по исследованию мяса на трихинеллез; основал Городской мясной музей, где проводил занятия с ветеринарными и медицинскими врачами по мясоведению.

изба или хата, а весь посёлок, и требования благоустройства должны распространяться не на отдельные дома, а на всё население.

Ещё нагляднее этот вывод напрашивался при сопоставлении модели отдельно расположенного жилища с большой моделью типовых многоэтажных домов современного города. На последней было отчётливо видно, что жилищное благоустройство достижимо только на основе общегородского благоустройства при наличии современных домов и уличной сетей городского водоснабжения и канализации, а также достаточного количества пространств, садов, парков. На моделях многоэтажных жилых корпусов легко демонстрировалось неизбежное увеличение оторванности живущих в верхних этажах от окружающей местности, невозможность для них часто бывать среди зелени, на земле. Исправить это могло только создание целесообразного плана города с разделением на районы по их назначению и с выделением *специальных жилых микрорайонов* с преобладанием невысоких (в 2–3 этажа) домов, с густой сетью детских и спортивных площадок и наличием поблизости зелёных массивов¹.

Все эти положения подтверждались большими графическими таблицами и диаграммами. На одной из них прослеживалась смертность в Петербурге с 1764 по 1926 г. в связи с основными демографическими и социально-экономическими факторами и с развитием санитарно-технических сооружений коммунального хозяйства. Такие же диаграммы наглядных графиков имелись по Москве, Берлину, Вене, Стокгольму, Цюриху и другим крупным городам мира.

II. Санитарные нормы планировки и застройки городов и других населённых пунктов.

К этой группе экспонатов относилась коллекция планов рабочих посёлков, строившихся в разных районах СССР, и удачных с точки зрения разрешения санитарных задач проектов и планов немецких и английских рабочих посёлков. Много внимания уделено было выяснению санитарного значения свободных пространств и зелёных насаждений в общем плане города и при отдельных жилых домах. Влияние густоты застройки на здоровье населения было отражено в таблице, в которой сопоставлялись густота застройки кварталов и уровень смертности в них от туберкулёза. С другой стороны, показывалась необходимость и в жилых районах, именно в санитарных интересах, придерживаться такой застройки по густоте, которая делала бы возможным оборудование района общим водопроводом и всеми другими элементами благоустройства.

III. Санитарная сторона жилищного вопроса и санитарные требования к жилищу.

В этой группе экспонатов наиболее instructивными были десять оригинальных таблиц о санитарном устройстве жилищ. На них наглядно показывалось влияние окраски стен на освещённость жилища, взаимосвязь куба-

¹ То есть уже в те годы Захарий Григорьевич отстаивал идеи создания так называемых «спальных районов» и коттеджных малоэтажных посёлков в черте города — того, к чему Москва и Петербург только-только приблизились в конце XX — начале XXI в.

туры и вентиляции, приёмы санитарной обработки углов, карнизов и печей в квартирах (для устранения пыли), устройство полов и стен для избежания сырости, значение расположения квартир на одну или на две стороны и т. д.

IV. Санитарное благоустройство и оборудование улиц.

К этой группе экспонатов относилась модель разреза благоустроенной улицы современного европейского города с палисадниками, широкими тротуарами, полосами газонов и ездовой замощённой частью. Прямую противоположность составлял представленный поперечный разрез петроградской улицы с её узкими тротуарами, отсутствием палисадников у домов. В Отделе была собрана коллекция образцов материалов замощения улиц и моделей мостовых, типичных для Петрограда.

V. Очистка городских улиц и площадей, удаление и обезвреживание сухого мусора и отбросов.

В залах были выставлены новейшие для того времени образцы автоматических тележек для уборки улиц берлинского типа; модель типовой мусоросжигательной станции системы Горсфалы и модель построенной накануне войны Василеостровской мусоросжигательной станции в Петрограде. Из новых к тому времени способов обезвреживания мусора был также представлен в чертежах итальянский метод «мокрого сжигания» в камерах Беккари. К этой же группе относились образцы фургонов для вывоза мусора мюнхенского типа и др., а также материалы по фекалепроводу и устройству городских свалок.

VI. Кладбищенское дело и кремация.

Сюда относилась занимающая целый зал модель проекта крематория в Петрограде, разработанная в 1919 г. архитектором Джороговым. Были разборные модели кремационных печей, спроектированных проф. Правдзиком. Ввиду предстоявшей в ближайшем будущем постройки крематория в Петрограде и возросшего интереса к кремации у коммунальных работников, группа кремации быстро расширялась новыми экспонатами, приобретаемыми при содействии Отдела благоустройства Ленгуботкомхоза. Устроитель московской выставки по кремации Гвидо Бартель согласился дать нашему Отделу копии своих материалов, наглядно рисующих устройство крематориев в городах Западной Европы. Были планы и снимки первого в СССР действовавшего уже крематория в Москве.

К этой же группе относились экспонаты о городских моргах и кладбищах. Между прочим, Отделом была составлена коллекция планов советских и иностранных городов с расположением на них кладбищ.

VII. Канализация и очистка сточных вод.

Эта проблема была представлена в Отделе особенно широко и наглядно. Помимо планов канализации Лондона, Берлина, Парижа и многих других западноевропейских городов, в экспозициях были представлены планы канализационной сети важнейших городов СССР. Кроме довоенных проектов канализации Петрограда (Д. П. Рузского и др.), у нас имелся проект уже строившейся в те годы канализационной сети. Исключительную ценность представлял рельефный план Петрограда и дна Невской губы. Они наглядно показывали весь рельеф территории города, все существующие уклоны и условия дренажа почвы.

Очистка сточных вод представлена была на моделях полей орошения, на многочисленных моделях биологических установок разного типа. Из новейших материалов выделялся проект строившейся в то время в Москве районной станции по очистке сточных вод по методу активного ила и продувания, а также чертежи новой системы очистки сточных вод в Мюнхене путём применения очистных биологических прудов с хорошо поставленным рыбным хозяйством.

VIII. Водоснабжение, очистка и обезвреживание питьевой воды.

К этой группе принадлежали модели, чертежи и графические материалы, характеризующие дело водоснабжения, как в городах СССР, так и на Западе. Крупнейшей моделью по очистке воды являлась модель фильтро-озонной станции на Петроградской стороне. Она показывала как очистку воды, так и её обезвреживание озонированием, которое производилось до 1922 г. Тут же демонстрировались образцы озонаторов Сименс-Гальске и другие приборы. Вместо озонирования после 1922 г., как известно, у нас, как и во многих других городах Европы и особенно Америки, стало применяться хлорирование. Наглядно был представлен метод обезвреживания воды просвечиванием ультрафиолетовыми лучами кварцевых ламп. К истории разработки проектов улучшения водоснабжения в Ленинграде относилась самая крупная модель, представляющая рельефный план ключевого района, так называемого силурийского плато, с расположением на нём проектируемых водоснабжающих сооружений. Тут же демонстрировались образцы фильтров — английских, американских, незатопляемых и напорных.

IX. Мясное снабжение города.

С точки зрения социальной гигиены налаживание массового снабжения населения доброкачественными продовольственными товарами играет чрезвычайно большую роль, особенно мясом — путём устройства ското-перегонных дворов, открытия и содержания боен и организации подвоза мясных продуктов. При этом выдвигается на первый план чисто санитарная задача: обеспечение поставки доброкачественного мяса от здоровых животных. Для осуществления этой задачи требовались сложные формы санитарно-ветеринарного надзора, тесно связанного с устройством и ведением коммунальных боен. По богатству материала, полноте и законченности программы эта группа экспонатов составляла самостоятельный раздел мясного Музея. Главная часть входивших в его состав экспонатов изготовлена была под руководством известного знатока мясного дела магистра ветеринарных наук М. А. Игнатьева художницей-скульптором А. Л. Шмидт.

Мясной Музей помещался до 1921 г. при городских бойнях и передан был в наш Отдел при переходе боен в ведение коммунального хозяйства. Экспонаты этой группы помимо посетителей Отдела служили предметом внимания специальных работников в области пищеведения.

X. Снабжение города рыбой и рыбными продуктами.

Группа эта была создана под руководством известного специалиста в этой области проф. М. Д. Ильина.

XI. Снабжение городов хлебом, молоком и другими продуктами.

Эту группу составляли экспонаты о городских рынках, холодильных складах, молочных фермах и хлебопекарных заводах, а также обо всех дру-

гих видах пищевого снабжения. Сюда входили переданные Отделу Ленинградским союзом потребительских обществ (ЛСПО) коллекции моделей, картин, снимков, муляжей и образцов, отражающие важнейшие типы учреждений по общественному снабжению. Особенно наглядно представлены были хлебопекарное дело и снабжение молоком: модели первого хлебозавода, механических хлебопекарных печей, частной хлебопекарни, модели крупных молочных ферм и пр.

XII. Бани и прачечные в городах.

В группе имелось несколько моделей бань, коллекция планов существующих и вновь строящихся коммунальных бань и прачечных в городах СССР, планы и чертежи общественных прачечных и народных бань с бассейнами для плавания в некоторых зарубежных городах.

XIII. Ограждение городов от эпидемий и заразных болезней.

В качестве ограждения населения от заносных эпидемий в группе имелись модели наблюдательных и пропускных станций и карантинных учреждений.

В группе XIV экспонировались учреждения и устройства, направленные на поднятие *физической культуры в городах и на укрепление здоровья детского населения*. Детские площадки, стадионы, новые подходы к строительству школьных зданий.

Группа XV включала в себя материалы, характеризующие *влияние крупных фабрично-заводских предприятий на санитарное состояние городских районов* (современная экология).

И, наконец, в группе XVI были представлены материалы о *распространении в городах социальных болезней* и об общих основах санитарного обслуживания населения в городах и во внегородских местностях.

Успешное пополнение Отдела коммунальной и социальной гигиены многими весьма ценными экспонатами по водопроводному делу связано в моей памяти с именем главного инженера Ленгорводопровода Константина Павловича Коврова. Это был крупный специалист своего дела, постоянный активный участник всесоюзных технических съездов. Большой опыт практической работы сочетался у него с постоянным теоретическим интересом и освоением новых достижений в его специальности по литературным источникам. Он был усердным читателем получавшихся в Отделе, а позднее — в Научно-исследовательском институте коммунального хозяйства (НИИКХ) периодических изданий на английском, французском и немецком языках. Стремление к развитию коммунального хозяйства в Ленинграде составляло жизненный интерес Константина Павловича. Он был предан своему делу, любил его. Благодаря ему к нам в Отдел мало-помалу перекочёвывали целые коллекции, например, водомеров, специально смонтированных для музейного экспонирования, крупные фасонные части, задвижки, образцы крупных деталей фильтро-озонной установки, эмульсеры, озонаторы и пр. Все эти модели и образцы изо дня в день служили материалом для показа и объяснения студентам и коммунальным работникам для облегчения усвоения ими необходимых санитарных и технических знаний.

Отдел пополнялся экспонатами также в результате моих поездок в Москву, где был Музей социальной гигиены, основанный при содействии нарко-

ма здравоохранения Н. А. Семашко его сотрудником по кафедре социальной гигиены А. В. Мольковым. При музее была мастерская по изготовлению моделей и приборов. Я принимал участие в выработке списка и проектов моделей, в оценке изготовленных макетов, собранных коллекций.

Вскоре Музей города перешёл в ведение вновь сформированного отдела коммунального хозяйства Петросовета: нам поручалось готовить материалы к докладам в исполкоме, нас приглашали для консультаций, на заседания комиссий по разработке проектов. Благодаря этому я всесторонне знакомился с планами и работами по городскому благоустройству.

Во главе коммунального хозяйства Петросовета был поставлен после Михаила Ивановича Калинина — Н. И. Иванов, хорошо мне знакомый по совместной с ним работе в 1918–1921 гг. в отделе труда, которым он тогда заведовал. Преемственно перешёл под его начало весь состав служащих прежней городской управы и городских комиссий — водопроводной, строительной и пр.

В дореволюционной Петербургской управе господствовали бюрократизм, чиновничество и субординация, а не дух товарищеского сотрудничества, преданности делу и отстаивания своего профессионального достоинства. Новый руководитель должен был перевоспитывать персонал прежнего её аппарата, а вместо этого он сам попал под влияние угодливых чиновников. Было жалко и горько видеть, как вышедший из рабочей среды руководитель усваивает нравы прежнего управского начальника. Как-то я получил приглашение зайти к нему для консультации. В обширном кабинете за столом, поставленным посередине комнаты, в министерском кресле сидит Николай Иванович. Подхожу, здороваюсь. Он начинает разговор, не предложив мне сесть, да и стула у стола нет. Я извинился, сказав, что сначала поищу стул, а то ведь неудобно говорить стоя, когда он сидит. Вышел за дверь, взял свободный стул, принёс его и стал подробно излагать данные о канализации в Петрограде. В ходе разговора понадобилась справка из канализационного отдела. Николай Иванович нажимает кнопку и просит вошедшего служителя пригласить заведующего нужным отделом. Входит крупный специалист инженер А. А. Рейнеке. Он, стоя, даёт разъяснения, а Николай Иванович тоном начальника даёт ему «задания». Поздоровавшись с А. А., я приношу ему стул, пояснив, что нельзя нам вести разговор, когда двое сидят, а один стоит. А. А. обратился к Н. И. с просьбой разрешить ему сесть. После обсуждения вопросов, предложенных Н. И. Ивановым, он предложил мне сделать доклад на заседании секции коммунального хозяйства Петросовета о благоустройстве города и необходимости новых приёмов оборудования улиц.

К этому же времени, к началу 20-х годов, относится активное моё участие в журнале «Вопросы коммунального хозяйства», возникшем при отделе Петросовета. Мысль об издании этого журнала зародилась первоначально у работников Музея города. В ряде статей на страницах этого журнала я освещал те вопросы городского благоустройства, которые поднимались посетителями музея во время моих объяснений и лекций. Рационализация оборудования улиц, создание около жилых домов газонов и палисадников, переход от булыжных и деревянных мостовых к асфальтобетонным и мел-

кобрусчатым, устройство вместо «откосников» поребриков, правильная система озеленения улиц и жилых кварталов, — всё это были насущные вопросы, требовавшие большой, настойчивой борьбы с укоренившейся в Петрограде рутиной. Отсталая техника и устаревшее оборудование улиц в Петрограде, а также полное отсутствие во многих районах города таких основных общегородских сооружений, как рациональная канализация и здоровое водоснабжение, нашли подробное отображение в моей книге, изданной в 1923 г., — «Петроград периода войны и революции». Издание этой книги стоило мне большого труда из-за множества препятствий.

Когда при Музее города были открыты курсы, превратившиеся затем в Институт коммунального хозяйства со специальным отделением для командированных из разных городов ответственных работников данного профиля, я много времени отдавал чтению лекций и целого курса по «основам общего городского благоустройства», по коммунальной и социальной гигиене. По настоянию слушателей эти лекции были подготовлены к печати и изданы в 1926 г. в Москве под заголовком «Основы общего благоустройства городов». По выходе в свет книги в печати появились очень благоприятные рецензии о ней. Очень быстро тираж разошёлся. В связи с большим спросом на эту работу я приложил много труда на дополнения и улучшения текста и на подготовку её ко второму изданию. Закончен был уже набор книги, я выправил гранки, но в это время произошла смена высшего руководства Наркомата. Издание было приостановлено, а затем отменено.

В Отделе коммунальной и социальной гигиены кроме меня и модельного мастера Ив. Ильина была ещё только одна «штатная единица» — должность делопроизводителя. Замещалась она не по моему выбору, а дирекцией Музея. По опыту моей прежней общественной работы я не сомневался, что мой интерес к делу, моё постоянное объяснение значения, цели и смысла работы постепенно вызовут и воспитают у моих помощников понимание и интерес к работе. Так сначала было и на этот раз. Ко мне была направлена из дирекции секретарём дочь известного театрального деятеля Теляковская. Будучи постоянным свидетелем того, что и я, и приходившие ко мне студенты и преподаватели сами делали все работы по расстановке и развешиванию экспонатов, по уборке музейных помещений, она скоро также стала проделывать все эти работы, не ожидая, когда придёт служитель или уборщица. Входя во все нужды и задачи Отдела, она стала настоящим товарищем по работе. Привлекла из круга своих знакомых добровольных сотрудниц — художниц.

Главную часть работы по обеспечению экспонатами и по оборудованию Отдела выполняли добровольцы, преимущественно из числа студентов. При Отделе сложился и всё более расширялся кружок в основном из студентов курсов по коммунальному хозяйству, для которых я проводил систематические лекции. В состав кружка вошли многие из слушавших мои лекции санитарных врачей и студентов-медиков. На заседаниях кружка слушались и обсуждались работы по санитарному обследованию районов города, доклады приезжавших на коммунальные курсы из разных городов заведующих комхозами и членов горсоветов по проектам планировки городов, по нуждам водоснабжения, жилищного строительства и пр. Вно-

симые предложения вызвали желание у молодых работников, как можно скорее, добиться их осуществления. Например, при обсуждении проблемы развёртывания жилищного строительства в Ленинграде понадобилось выяснить на плане города места и районы наибольших разрушений, наглядно показать образовавшиеся пустыри, которые можно было бы обратить в новые сады и скверы. Я предложил силами кружка обследовать обстановку конкретно на местах и внести исправления на плане. Казалось, что эта работа потребует много времени, много недель или даже месяцев. Но молодые кружковцы разделились на 8 или 10 пар и на следующий же день со старыми планами в руках начали в разных частях города обход кварталов. Начиная обход квартала вместе, оба участника каждой пары расходились затем в разные стороны. В результате в течение нескольких дней работа была завершена, и мы направили свои выводы и предложения в органы исполнительной власти. Многие предложения были учтены в практике планирования и строительства.

Обычно участники экскурсий для получения более подробных сведений по тем или иным вопросам заходили в нашу рабочую комнату, где я и мои помощники вели работу по подготовке новых экспонатов, по отысканию нужных сведений в специальных изданиях, в статистических сборниках, справочниках и пр. В беседах с такими посетителями не только мы отвечали на их вопросы, но нередко и они обогащали нас очень важными сведениями. Так, одна посетительница рассказала, что для музеев можно отбирать очень ценные и даже редкие книги в складах, куда свозятся издания и библиотеки из реквизируемых богатых квартир, в которые вселяются семьи рабочих из переуплотнённых и подвальных помещений. Я ознакомился с одним из таких складов в доме на Фонтанке. Подолгу разбирая там книги и составляя список пригодных для нас изданий. В большинстве случаев разрешение на передачу в Музей отобранной литературы получалось без больших проволочек. Среди огромных книжных накоплений в этом складе были остатки богатейших книжных собраний крупных чиновников, врачей, инженеров. Как ни горько было думать о несправедливо ужасной участи бывших владельцев этих книжных, культурных сокровищ, за их счёт удалось пополнить библиотеку Отдела изданиями по статистике, по врачебно-санитарному законодательству, ценными трудами из библиотек Рейна, Владиславлева¹ и др.

Так же вошла в жизнь Отдела и назначенная к нам дирекцией Музея Елизавета Ивановна. Оставшись вдовой с несколькими детьми после смерти мужа, служившего одним из дворников дворца, она продолжала жить в дворцовой усадьбе в доме для дворцовой прислуги и тоже входила во все дела, во все чаяния и беды Отдела. Трудное было тогда время. Но Елизавета Ивановна оказывала незаменимые услуги в обеспечении нас кипятком для чая, а иногда помогала достать к чаю даже сахар и сухари.

Своими заботами Елизавета Ивановна облегчала и жизнь нашего старика Василия Тимофеевича. От неё я узнал, что тот страдает от затруднений

¹ Владиславлев Игнатий Владиславович (1880–1962) — известный библиограф, составитель и издатель библиографических ежегодников.

при глотании пищи. Из расспросов старика я с большим беспокойством пришёл к заключению о возможности в данном случае рака пищевода. Убедил его пойти на приём к Николаю Николаевичу Петрову¹ в Мечниковскую больницу. С Николаем Николаевичем я предварительно говорил и просил его помочь нашему сотруднику. После обследования, ввиду всё более нараставших явлений непроходимости пищевода Петров произвёл весьма трудную операцию, которая прошла удачно. Но общее состояние старика было очень тяжёлое, и, к общему нашему горю, он скончался спустя три дня после операции.

В 1924 г. я разработал программу, а затем руководил обследованием распространения туберкулёза среди рабочих завода «Большевик» (бывш. Обуховского), в связи с чем несколько раз осматривал все цеха завода и дома для рабочих. Обследование проводил Петроградский научно-исследовательский туберкулёзный институт под моим непосредственным руководством. В то время я заведовал Отделом социальной патологии этого института. Мы ставили своей целью выяснить степень и характер распространения туберкулёзных заболеваний и сопредельных с ними патологических состояний, обычно отмечаемых как перибронхиты, среди рабочих и связь этих заболеваний с условиями профессии, жилища, питания и, в особенности, с предшествующими влияниями нарушенного питания и привычных условий жизни в период войны и революции.

Клиническая часть программы обследования была составлена А. Я. Штернбергом и профессором-рентгенологом А. Я. Кацманом, а санитарная (социально-гигиеническая) часть — мною. В ходе обследования заполнено было 3439 карт, на каждого рабочего в отдельности. Все вопросы, относящиеся к жизни, выяснялись путём опроса, производившегося группой специально инструктированных слушателей курсов коммунального хозяйства, прослушавших перед тем у меня курс социальной гигиены. Тщательное клиническое исследование каждого рабочего после этого производилось специалистами-фтизиатрами туберкулёзного института при участии рентгенолога А. Я. Кацмана. В результате общего анализа сводных таблиц этого исследования я составил несколько серий наглядных таблиц и графиков для Отдела коммунальной и социальной гигиены. В них содержалась настолько ценная информация, так наглядно выступали закономерности возникновения заболеваний, что после ликвидации Отдела коммунальной и социальной гигиены в Музее города все эти серии диаграмм были взяты кафедрой социальной гигиены 2-го Ленинградского медицинского института.

Собирание коллекций, изготовление новых экспонатов и материалов для музея шли рука об руку с ведущейся с первых дней и не прекращавшейся ни в какой период его жизни деятельностью по демонстрации их и использованию для широкой просветительной работы, для содействия в

¹ Петров Николай Николаевич (1876–1964) — выдающийся хирург, один из основоположников отечественной онкологии, создатель научной школы, академик АМН СССР, основатель и руководитель Ленинградского онкологического института, автор первого капитального труда по онкологии на русском языке.

подготовке медицинских, санитарных и коммунальных работников, а также для справочных целей. С экспонатами Отдела знакомились представители самых разнообразных кругов и профессий — от рабочих городских предприятий и крупных ленинградских заводов до педагогов, инженеров и врачей, от работников домовых санитарных служб и домоуправов до представителей районных и городских властей. В Отделе проводились систематические курсы по основам благоустройства и социальной гигиене: в 1921–1923 гг. — для студентов университета, для жилищных инспекторов, санитарных врачей, диспансерных сестёр, слушателей курсов командного состава милиции, педагогов и т. д. С 1924 г. я систематически читал в Отделе курс лекций по городскому и сельскому благоустройству, по коммунальной и социальной гигиене для коммунальных работников и студентов коммунального техникума и высших коммунальных курсов, а также, особо, — для санитарных врачей, приезжавших из всех республик и краёв СССР в Государственный институт для усовершенствования врачей. Такие же курсы читались в Отделе для студентов муниципального отделения 1-го Политехнического института, для студентов ГИМЗ, для лекарских помощников, для ветеринарных врачей, для слушателей курсов домоводства и пр.

В то же время с каждым годом расширялась справочно-консультативная деятельность Отдела. Запросы по разным отраслям благоустройства и гигиены поступали даже из далёких краёв: Владивостока и Барнаула, Самарканда, Баку, Минска, Саратова и других городов Союза. Изо дня в день я показывал наглядные материалы всё возрастающему числу посетителей, разъяснял допущенные в привезённых ими проектах ошибки, объяснял и обосновывал необходимость и возможность применения в наших городах приёмов и технологий благоустройства.

Для изготовления наглядных экспонатов при Отделе была налажена модельная мастерская. В ней под моим непосредственным руководством сделаны были по запросам с мест для многих городов копии целого ряда моделей и приборов, выставляемых у нас. Помню, что мы изготовили несколько устройств по очистке сточных вод и благоустройству жилкварталов для Краснодара, для Бакинского колхоза; приборы Гальтона — для МГУ, для Московского института социальной гигиены, для Владивостокского педвуза, для Казани, Харькова, Минска, для многих институтов в Ленинграде. Постоянно приходилось по заявкам разных учреждений изготавливать за их счёт копии с многих составляемых Отделом графических таблиц и целых серий диаграмм, в частности для Харькова, Казани, Минска, Петрозаводска и других городов, для ряда учреждений в самом Ленинграде (для Профилактического института им. З. П. Соловьёва, такого же института ГИМЗ и пр.).

Интенсивный рост справочно-консультативной работы превращал Отдел фактически в центр, объединявший в Ленинграде научную и научно-практическую работу в области коммунальной и социальной гигиены. В тесной связи с Отделом развивалась и деятельность ленинградского Отделения Всероссийского общества социальной и экспериментальной гигиены, собрания которого, так же, как и заседания Учёного совета этого общества проходили в стенах Отдела.

В 1925 г., сколько помню в феврале, я получил, как заведующий кафедрой социальной гигиены в Ленинградском государственном институте медицинских знаний (позднее 2-й ЛМИ) — официальное приглашение от Белорусского наркомата здравоохранения приехать недели на две в Минск для организации в Белорусском медицинском институте (БМИ) кафедры социальной гигиены и для прочтения узловых лекций, с тем чтобы дальнейшие занятия после моего отъезда проводили ассистенты, а я вновь приехал бы в начале летнего перерыва занятий в ГИМЗе для контроля за правильностью ведения занятий и проведения экзаменов. Одновременно я получил сообщение от наркома здравоохранения Н. А. Семашко, что ввиду незамещения кафедры социальной гигиены в БМИ следует оказать необходимую помощь в налаживании занятий на этой кафедре и в «порядке шефства» выполнять эту задачу впредь до тех пор, пока не найдут подходящую кандидатуру на замещение должности профессора по данной дисциплине.

В связи с этим приглашением и поручением наркома я в 1925, 1926 и 1927 гг. по два раза в год ездил в Минск и читал в течение 10–12 дней лекции последнему курсу медфака, а также участвовал в проведении практических занятий по санитарной статистике, занимался организацией и проведением совещаний с молодыми преподавателями (ассистентами) по кафедре социальной гигиены.

Поездка в Минск была связана с пересадкой в Витебске. В первую же поездку я воспользовался остановкой, чтобы разыскать С. А. Глебовского, моего сотрудника по земству в Костромской губернии в 1907–1909 гг. В описываемое время он заведовал водно-санитарным надзором по Западной Двине. Сергей Александрович уговорил меня остаться на один день в Витебске, чтобы познакомиться с начавшей складываться там советской организацией здравоохранения. Как раз вечером того же дня предстояло заседание местного врачебного общества. На нём стоял доклад о постановке борьбы с туберкулёзом на социально-профилактических началах. Я очень был связан временем, но считал невозможным не воспользоваться случаем непосредственного знакомства с практическими условиями и ходом перестройки врачебно-санитарного дела в крупном городе. И я не раскался в своём решении.

Доклад делал, насколько помню, доктор Незлин. В затянувшемся до поздней ночи обсуждении очень большой интерес вызывали вопросы изучения туберкулёза, как социальной болезни, и о постановке работы тубдиспансера по оздоровлению условий жизни, труда и быта в тесной связи с работой санитарной организации, с деятельностью коммунальных органов по жилищному строительству и санитарному благоустройству города. Настойчиво выдвигалась задача улучшения продовольственного снабжения, питания населения.

На следующее утро у С. А. Глебовского собрались несколько санитарных врачей и работников здравоохранения Витебска. Санитарный врач Зарембо рассказал о нуждах и положении водопроводного дела в городе.

В Минске я познакомился с работниками белорусского Наркомздрава, проводившими одновременно занятия на кафедре социальной гигиены —

докторами Смулевичем и С. Р. Дегтярём. Смулевич занимался налаживанием санитарной статистики при Наркомздраве, а Дегтярь — организацией промышленно-санитарного надзора. Они были внимательными слушателями моих лекций. Каждый день я обсуждал с ними все стороны прочитанных за день лекций и излагал им программу предстоящих чтений, выслушивал их замечания. На практических занятиях по санитарной статистике Смулевич и Дегтярь разрабатывали со студентами материалы по замеру роста, веса, объёма груди, мышечной силы и спирометрии. Измерения, запись их результатов и разработку карт проводил каждый студент под общим контролем преподавателя. Отвечая на приглашения, я побывал в гостях у обоих сотрудников по кафедре. На меня произвёл хорошее впечатление доктор Дегтярь. У него было ценнейшее собрание литературных источников, пособий и материалов по общественной медицине, по санитарному исследованию промпредприятий и по гигиене труда.

Очень интересной для меня была вторая поездка в Минск в летнее время, в июне. В Витебске в этот раз я осмотрел водопровод, несколько часов гулял по крутым берегам Западной Двины. Меня очень занимала идея о возможности превращения этих крутых склонов в интересный парк с хорошо продуманной системой креплений, дренажа и разбивкой на склонах двух или трёх ярусов продольных дорожек с подпорными стенками и сетью косых соединяющих дорожек. Такой береговой парк, с его древесными посадками для закрепления откосов от размыва мог бы служить естественным расширением существующего вокруг дворца парка. Успел осмотреть в Витебске я и Музей истории города.

Я прочитал в очень сжатые сроки лекционный курс по социальной гигиене, социально-профилактическим основам советского здравоохранения и провёл экзамен на выпускном курсе. Подробно ознакомился с городским водопроводом Минска и проектом его расширения за счёт новых глубоких артезианских скважин. Минск, при значительно развитой водопроводной сети, никакой канализации не имел. Клозетные воды собирались в выгребные ямы. Из них спускались прямо на улицы и отводились открытыми канавками и лотками вдоль тротуаров по уклону в реку Свислочь. По-существу, улицы города с их лотками играли роль «полей орошения», с тою разницей, что на полях орошения распределяются не загнившие и, следовательно, и не издающие зловоние канализационные воды и потому поля орошения не издадут дурного запаха; в уличные лотки спускались из выгребных ям загнившие, с отравляющим запахом клозетные фекалии. Чтобы хоть несколько ослабить зловоние, выпуск фекальной жидкости в уличные лотки производился в ночные часы, а днём временно приостанавливался. Но это, конечно, не меняло дела. Неотложность строительства канализации в городе с отводом стоков до их спуска в Свислочь, на очистные сооружения, была настолько очевидна, что уже в 1926–1927 гг. спешно шла прокладка коллекторов. Из главного коллектора сточные воды, по напорной чугунной трубе, должны передаваться в коммунальный совхоз (более чем за десяток км), где должны были очищаться на полях орошения.

Во время прокладки коллектора по улице Немиге (по берегу когда-то протекавшей там реки Немиги), по-видимому, траншея прорезала либо

какое-нибудь кладбище, либо место исторической битвы. С землёю из траншеи выбрасывались части скелетов. Человеческие черепа, пожелтевшие от времени, валялись на улице. Мы подобрали несколько черепов для антропологических измерений.

Очень «поучительные» работы велись в центральном городском сквере по очистке засосавшегося поглощающего колодца, в который отводились сточные воды из приёмников для нечистот (типа Шамбо) от уборных городского театра. Колодец углублён был на десяток метров до крупнозернистого песчаного слоя. Поначалу песок легко и безотказно «принимал» осветлённую (перегниванием в Шамбо) сточную воду. Но затем произошло то, что всюду происходит с поглощающими колодцами: подстилающие и окружающие дно колодца слои песка заилились. Вода перестала просачиваться. Колодец переполнился. Его начали «чистить». Откачали загнившую жидкость и стали вычерпывать со дна песок, пропитанный осадками фекалий. Весь сквер был залит потоками загнившей сточной жидкости. Но всё дело было в том, что слой крупнозернистого песка, который принимал kloзетную воду, был тот же самый, из которого брали грунтовую воду неглубокие буровые скважины минского водопровода!

Мне никогда не приходилось прежде бывать в городах «черты оседлости» и близко знакомиться с жилищно-бытовыми условиями, в которых живут бедные еврейские семьи. По усвоенной издавна привычке ранние утренние часы — с 5–6 часов до 8–9, в новых местах, которые я посещал, я с интересом воочию знакомился с обстановкой, бытом и благоустройством жителей. Я обошёл все улицы в районе нижнего базара и не мог подавить в себе тяжёлого чувства, возникшего от картин беспредельного убожества и нищеты, скученности и неблагоустройства в районах, заселённых мелкими ремесленниками, торговцами и неизвестно как перебивавшимися семьями еврейской бедноты. В условиях планового социалистического хозяйства, казалось мне, можно было ожидать, что наличие в Минске тысяч людей, нерационально расточающих свою рабочую силу на мелкую торговлю или мелкое ремесло, должно было поставить вопрос об открытии там предприятий (трикотажной или обувной фабрики, завода, производящего металлические изделия или ещё чего-то в том же духе) для создания рабочих мест и поглощения этой рабочей силы.

В те годы белорусским Наркомздравом издавался ежемесячный журнал «Белорусская медицинская мысль». По просьбе редакции я дал в него статью «Социально-профилактическое содержание деятельности участкового врача». Она была напечатана в книжке журнала, вышедшей в июне 1927 г.

Трудно это было, при тогдашней (в 1925–1929 гг.) моей занятости и, казалось, превосходившей все мыслимые границы перегрузке работой в Музее города, в Институте коммунального строительства, в Институте для усовершенствования врачей, во 2-м Ленинградском мединституте и в других учреждениях, — отрываться два раза в год на целые две недели для поездки в Минск, но, в общем итоге, эти поездки и вся консультационная работа в белорусском Наркомздраве оставляли чувство не напрасно затраченных усилий, так как они обогащали меня новыми впечатлениями и наблюдениями.

Доктор Дегтярь был одарён большой настойчивостью к систематическому обобщающему научному труду. Вскоре он занял кафедру гигиены труда в Ташкентском мединституте, а затем был несколько лет профессором гигиены труда в Новосибирском медвузе.

Доктор Смулевич под моим руководством освоил ведение статистики общей заболеваемости. Для изучения русской литературы по этой специальности (трудов Е. А. Осипова, П. И. Куркина, Н. И. Тезякова и др.) он был прикомандирован на некоторое время к нашему Отделу в Музее города в Ленинграде. Ему, несомненно, принадлежит заслуга осуществления первого после Октябрьской революции опыта организации в Белоруссии статистики общей заболеваемости, с собиранием всего материала карточной регистрации первичной обращаемости, его проверки, разметки и статистической разработки и, наконец, его научного освещения в обширном труде, который был защищён в качестве докторской диссертации.

Совершенно неожиданно в апреле 1958 г. мне удалось вновь увидеть Минск, когда я приехал туда для участия в выездной сессии Академии медицинских наук. Перед моими глазами предстал совершенно новый Минск, мало чем напоминающий убогий город «черты оседлости». Теперь это был современный центр республики с полумиллионным населением, с огромным числом промышленных предприятий, с множеством высших учебных заведений, с собственной Академией наук, с широкими проспектами, хорошо оборудованными улицами, не уступающими лучшим улицам Ленинграда. И всё это было результатом всего лишь одного послевоенного десятилетия восстановления города!

Хорошо сохранились в памяти впечатления от поездки в Москву летом 1926 г. Свой летний отпуск Екатерина Ильинична решила провести с Иликом в Отузах, на южном берегу Крыма между Судакком и Феодосией. В Москве я побывал с Иликом у моей сестры Евгении. Мне очень хотелось показать ей моего сына. В это время со своей дачи у станции Удельная по Казанской железной дороге приезжал наш старший брат Яков. Он был одним из пионеров по устройству дачного посёлка для пенсионеров. На своём участке он успел раскорчевать от порослей небольшую часть земли под огород и, как первые плоды своего труда, привозил огурцы, какой-то невиданной породы помидоры и фигурные тыквы.

Целый день водил я своего семилетнего сына по Москве, побывал с ним в Зоологическом саду, в Парке культуры и отдыха. Прогуливаясь по берегу Москвы-реки, мы вышли в Нескучный сад и дальше по свободным от застройки холмистым берегам направились к Воробьёвым горам. Оттуда видна была вся Москва. И я, помню, впервые заметил, что нет золотого купола храма Христа Спасителя¹. Я слышал, что снимают совершенно бездарный, к тому же так неудачно поставленный памятник царю Александру III, и даже порадовался этому, но мне казалось прямо непонятным и невероятным это начавшееся разрушение величавого по своей благородной простоте, внушительного архитектурного памятника победителям в войне 1812 года. Это была явная, нелужная ошибка.

¹ Храм был окончательно взорван в 1931. Но купол был разрушен уже к 1926.

Из Москвы Екатерина Ильинична с Иликом продолжили путь в Крым, а я направился в Одессу для участия во Всесоюзном санитарном и бактериологическом съезде.

Съезд проходил в здании бывшей одесской Биржи. Как всегда, я охотно участвовал в организованных для участников съезда экскурсиях: на водопроводную станцию, на поля орошения. Подробно осмотрел одесскую больницу и ознакомился с организацией лечебно-профилактического обслуживания детей.

По окончании съезда я пароходом добрался до Феодосии, а оттуда отправился на две недели в Отузы. В Феодосии подробно ознакомился с карантинном и всеми его учреждениями. Меня давно интересовали сохранившиеся в этом городе остатки древних водопроводных сооружений. Я осмотрел несколько колодцев с каменной отделкой. На дне каждого из них находился выход гончарной трубы, приводившей воду от одного из имевшихся за городом на обращённых к морю склонах широких и длинных складов камня. Это были усечённые пирамиды по 5–6 м высотой. Внутри такой пирамиды камень, остывший ночью, не успевает нагреться, и бризы, дующие с моря в течение дня, проникая внутрь вала, отдают часть своей влаги, конденсирующейся на более прохладной поверхности камней, и эта вода стекала по трубам в колодцы. Теперь, разумеется, этой воды не хватало и вопрос шёл об устройстве нового водопровода.

В Отузах мы с Иликом гуляли вдоль берега моря, собирали образцы интересных камней и крымских растений. В одну из таких прогулок мы зашли довольно далеко от Отуз и любовались большим, высившимся над морем белым каменным зданием с широкими застеклёнными проёмами. Заинтересовавшись, мы взобрались к зданию по крутому береговому склону. Оказалось, это был Крымский институт — научно-исследовательское учреждение для всестороннего изучения природы Крыма. Здание было завещано специально для института одним из практиковавших на южном берегу Крыма врачом. Неожиданно выяснилось, что в это время в нём работал Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, исследовавший крымские минеральные породы. Я воспользовался случаем, чтобы узнать у Франца Юльевича о некоторых непонятных мне формах камней и пород, которые возбудили моё любопытство при прогулках от Отуз до Коктебеля. Мы с Иликом подробно рассматривали разнообразные институтские коллекции — крымских насекомых, растений, образцов пород и пр. Чтобы детальнее ознакомиться с этими коллекциями, мы побывали затем в Коктебеле ещё два или три раза.

В двадцатых числах сентября, ранним утром уезжали мы из Отуз. Путь до Феодосии, километров 20–25, пролегал по северокрымской однообразной равнине. Привыкнув за две–три недели к ласковому теплу южного берега, мы сильно намёрзлись от холодного, пронизывающего ветра в опустевшей степи. В Феодосии провели целый день. Осмотрели остатки стен Генуэзской крепости. Я успел осмотреть Музей картин Айвазовского и собрание археологических древностей Феодосии.

Май 1927 г. памятен мне по участию в XIV или, считая с возобновления съездов после Октябрьской революции, во II санитарно-техническом съезде, проходившем в Харькове. Воспользовавшись пребыванием в этом

городе, я навестил Сергея Николаевича Игумнова. Несколько лет я его не видел, но он мало изменился, сохраняя все черты лучшего представителя передовой русской, широко образованной демократической интеллигенции. Талантливый и глубоко знающий руководитель общественно-санитарного дела, он не сумел войти всеми своими способностями и силами в начинавшую по-новому строить и жить систему советского здравоохранения. Он, видимо, тосковал, не находя настоящих путей, чтобы отдать полностью свой литературный и общественно-устроительный талант и опыт делу подготовки советских работников здравоохранения. Расставаясь с Сергеем Николаевичем, я уносил чувство большой горечи, что остается далеко не в полной мере втянутым в строительство новой общественной жизни такой искренний, глубокий и талантливый работник передового Пироговского руководящего ядра, как С. Н. Игумнов.

На съезде рассматривались вопросы о строительстве крупнейших санитарно-технических сооружений и в самом Харькове, и в Москве, и в Ростове. Большинство деятелей прежнего периода включались в работу по решению новых задач. Энергично работал на съезде избалованный своим генеральским положением в дореволюционное время Всеволод Евгеньевич Тимонов. Довольно неожиданно на съезд прибыли французские инженеры, приехавшие с какими-то проектами. Когда они вошли в зал заседания и предъявили президиуму письмо из Москвы о допуске их к работе на съезде, В. Е. Тимонов, как член президиума, приветствовал их блестящей речью, сказанной экспромтом на превосходном французском языке. Своё специальное образование проф. Тимонов получил в высшей инженерной школе в Париже.

Председателем организационного комитета съезда являлся Д. С. Черкес. Это был выдающийся инженер. По его проекту и под его руководством в Харькове были построены канализация и станция очистки сточных вод. Подобно С. Н. Строганову, возглавлявшему и развивавшему московскую школу исследователей проблемы очистки сточных вод в Люберецкой лаборатории и очистной станции, Д. С. Черкес в Харькове создал ведущий центр на станции биологической очистки, устроил опытные осадочные бассейны, аэротанки и аэрокоагулятор, иловые площадки разной конструкции, даже «биологические очистные пруды». Всё испытывалось и это импонировало инженерам. Не было только полей орошения, так как это мало привлекало к себе инженерную фантазию.

В тот период мне очень хотелось непосредственно ознакомиться с бытом и условиями труда шахтёров, а также рабочих на заводах Донбасса. На лекциях мне постоянно приходилось касаться задач изучения и оздоровления условий труда при подземных работах. Недопустимым казалось мне ссылаться только на мои личные впечатления дореволюционного времени да на литературные данные, не оживляя лекций новыми материалами, отражающими послереволюционные условия. Д. С. Черкес дал мне письмо к председателю облисполкома в городе Сталино¹, которого он знал лично, с просьбой оказать мне содействие в осмотре шахт, заводов и жилищного

¹ До 1924 — Юзовка, с 1924 по 1961 — Сталино, ныне — Донецк.

строительства. Я познакомился с участником съезда — санитарным врачом из Сталино, центра угольной и металлургической промышленности Донбасса. Он обещал мне помочь на месте. После съезда мы вместе поехали в Сталино, где я и прожил у него несколько дней. Это был очень знающий санитарный врач, хорошо знакомый с системой водоснабжения Донбасса, с жилищными условиями горняцких посёлков, как прежних, так и новых. Ещё до революции он изучал жизнь шахтёров и знал безысходно тяжёлые условия их труда и жизни в таких посёлках, как прежняя Юзовка. Он умел ценить все улучшения в строительстве новых шахт. Его радовали успехи в реконструкции прежней Юзовки, на его глазах становившейся крупным благоустроенным городом. Весь свой опыт и знания деятельного бывшего земского врача он перенёс в работу санитарного врача советского времени, стремившегося добиваться оздоровления условий работы в шахтах и жизни в посёлках, опираясь на новые органы местного управления и профессиональных объединений.

В первое же утро ещё до начала рабочего дня я обошёл прежние юзовские кварталы со всеми характерными чертами их планировки, скученностью жилья и неблагоустроенностью. Осмотрел также новый механизированный завод по изготовлению огнеупорного кирпича. Потом вместе с моим гостеприимным хозяином целый день провёл на Сталинском металлургическом сталелитейном заводе. Наблюдал выпуск выплавленного чугуна из новой грандиозной доменной печи. Меня предупреждали о необходимости надеть предохранительные очки. К сожалению, я легкомысленно игнорировал эти советы. Раскалённая добела жидкая металлическая лава потекла, заполняя сеть борозд, предназначенных для приёма плавки. Невиданное мною прежде зрелище захватило меня, и я долго наблюдал, как появляются признаки наступающего охлаждения, не обращая внимания на утомление глаз от ослепительного света и невыносимой жары от тепловых лучей. Ещё большее утомление зрения испытал я при довольно длительном осмотре бессемеровских печей.

Я встретил на заводе работавших на нём санитарными врачами бывших моих слушателей в ленинградском ГИМЗе. С ними я обошёл всю территорию завода, чтобы показать, как можно было бы упорядочить пользование дворовыми местами, установив рациональное отведение места для складов сырья, угля, шлака и других отбросов. Я пытался показать возможность устранения хаотического загромождения территории хламом и отходами, чтобы выделить часть двора для устройства озеленённого места для минутного отдыха и пребывания на открытом воздухе рабочих.

На следующий день утром я ехал на тарантасе с моим любезным хозяином по степной дороге на Лидийскую угольную шахту. Я смотрел на степь, словно сквозь битые стёкла. Плохо разбирал далёкие предметы. Тогда я подумал, что у меня конъюнктивит от вчерашнего утомления зрения ослепительным светом расплавленного металла.

Мы выполнили все требования при спуске в шахту, переоделись в брезентовые горняцкие костюмы, взяли вручённые нам лампы с сетками. Сколько помню, спустились мы на глубину 180 м. Потом долго шли по главным ходам, прижимаясь к стенке, когда мимо нас проносились вагонетки с

углём. В этой шахте вагонеты передвигались уже тягою электровозов, а не обречёнными на вечную каторгу и гибель лошадьми. В других копиях ещё работали раз и навсегда спущенные под землю лошади. Они там и жили в подземных загонах. «Выдаваемый на гора» конский навоз составлял в то время на каждой шахте такую же неперемнную особенность местного пейзажа, как и огромные, в десятки метров высотой, конусообразные «сопки» из породы, выламываемой и удаляемой при проходе стволов, штреков и забоев. Несколько часов я внимательно присматривался к работе шахтёров и врубовой машины в забоях, выслушивал рассказы рабочих в минуты их отдыха. И начал испытывать всё нарастающее чувство какого-то томления от пребывания под землёй, как в преисподней. Всё явственнее оформлялось подсознательное желание поскорее выбраться наверх, «на-гора». Наконец, по запутанным, как мне казалось, бесконечным ходам мы пустились в обратный путь к подъёмному стволу шахты. Пришлось долго ждать, пока заканчивались работы по подъёму непрерывно подвозимого угля. Невзирая на работу целой системы мощных насосов, откачивающих воду, сверху всё время падали струи и потоки, от которых меня не спасал и брезентовый костюм. Я имел время и возможность, чтобы ознакомиться на практике с проблемой «уборных и писсуаров», или проще — с условиями для отправления рабочими естественных надобностей в шахте, с приёмом ими пищи во время работы. Особенно крупным техническим достижением было наличие мощной нагнетательной вентиляционной системы, создававшей ощутимое движение свежего воздуха в подземных ходах и целые вихри и бурю при открывании для пропуска вагонетов ворот, перегораживавших в разных местах проходы.

Выход из подъёмника на дневной свет вызвал чувство физиологического удовольствия. Пока мы переоделись и обмылись в бане, стало уже вечереть. Возвращение в тарантас по открытой степи при склонявшемся к закату солнце доставляло никогда ранее неиспытанное чувство радости от широкого раздолья, от бесконечного небосклона и всегда остающегося недостижимым далёкого горизонта. Очевидно, нужно попасть в глубокое подземелье, чтобы, выбравшись из него, испытать физиологическое удовольствие от дневного света и простора.

Несколько дней спустя, возвратясь домой, я ехал в Пушкин. Пристально всматривался я в привычные пейзажи Пулковского направления. Там всегда я видел две радиомачты. Но теперь их не было! Я достал бинокль и, к своему удивлению, обнаружил, что мачты стоят на месте. Я понял, что мною утрачена прежняя способность видеть. Н. И. Андогский определил потом у меня начавшееся образование центральной катаракты обоих глаз вследствие крестообразных небольших трещин в центре хрусталиков. Это был жестокий результат необдуманного длительного наблюдения без защитных очков ослепительно ярко светившего раскалённого чугуна.

В течение многих лет я страдал повторявшимися приступами болезни желчных путей. Без видимой причины наступали боли в области печени, часто они становились невыносимо сильными, сопровождалась рвотой. Каждый раз такой приступ тянулся несколько дней. Я выполнял советы врачей, пил Карлсбадскую воду или раствор карлсбадской соли, делал горячие

припарки. Когда невыносимо мучительные боли ослабевали, я принимался за работу в саду, на огороде. Помню, в самую горячую пору подготовки к открытию выставки в Дрездене я, пересиливая боли, продолжал работать. Владимир Валерианович Подвысоцкий советовал мне во избежание повторения приступов соблюдать строго одно правило — приёмы пищи производить небольшими порциями и почаще, много раз в день (через каждые два-три часа) — для устранения закупорки желчного протока при воспалительных состояниях. Я не раз вспоминал, что не выполняю этого совета в периоды, когда бывал увлечён какой-нибудь работой. Например, устройством Отдела коммунальной и социальной гигиены Музея города, разработкой курсов лекций и т. д. В эти периоды обычно я уходил из дома утром, часов около девяти. Перед этим часа три я работал по двору или в огороде, затем должен был спешить помыться и переодеться. Наспех с большим аппетитом съедал всё, что было на столе, и потом в течение всего дня и вечера о еде больше не думал. Но, возвратившись поздно ночью домой, съедал ожидавший меня обед.

В период 1918–1937 гг. приступы желчной болезни мучили меня чаще и сильнее. Помню, один раз приступ затянулся. Екатерина Ильинична убедил меня зайти в Обуховскую больницу к Ивану Ивановичу Грекову¹ (после высылки из Москвы мы были товарищами по Дерптскому университету). Осмотрев меня, Иван Иванович нашёл ущемление желчного камня. Не говоря мне ни слова, вышел из кабинета, а затем вернулся и сообщил, чтобы я раздевался, так как он считает операцию абсолютно неотложной. У меня были свои соображения о неотложности многих дел на «Полоске», в Музее, в ГИМЗе. Я решительно отказался от операции. Невзирая на настаивания Грекова, ушёл из больницы, превозмогая боли, потом пешком добрался в Лесное. Вопреки предписаниям о длительном постельном режиме, два-три дня спустя начал работать во дворе, а затем перешёл к обычному своему перенапряжённому образу жизни.

Когда общие условия жизни стали более благоприятны, я получил отпуск для лечения грязевыми горячими ваннами и минеральными водами. В начале сентября 1927 г. я приехал вместе с Любовью Карповной в Ессентуки. Мы легко получили комнату в курортной гостинице. Несколько дней ушло на выполнение клинических и лабораторных исследований, и курортный врач назначил мне полный курс грязевых процедур и ванн, велел два раза в день пить из определённого источника воду. Ранним утром я по привычке занимался прогулками и наблюдениями в городе и на его окраинах, сохранивших характер южного украинского или казацкого села или местечка — с огородами, выходящими рано утром из каждого двора на зов рожков коровами, с плетнёвыми стенками сараев, облепленными сухими киззяками, с лужами на улицах и во дворах, с выходом улиц на широкий пыльный «шлях». Ближайшие окрестности Ессентуков малоинтересны. Однообразная степная равнина. Но в центральной курортной части улицы

¹ Греков Иван Иванович (1867–1934) — выдающийся хирург, специалист по хирургии лёгких, сердца, кровеносных сосудов, лечению ран. Предложил метод обеззараживания операционного поля.

были оборудованы, как в большом городе. Много новых крупных зданий. Большой курортный парк.

Любовь Карповна очень хорошо организовала наше питание. В частной столовой, где мы обедали, мы познакомились с рядом местных работников. Между прочим, живший по соседству заведующий малярией станцией сообщил мне интересные наблюдения о том, что местом зимовки и выплода малярийного комара на Кавказе служат дупла в старых деревьях. На дне дупла собирается вода, у входа и у стенок дупло зарастает мхом. Когда я заходил к этому товарищу, моё внимание привлекала очень быстрая серая собака, то ласкавшаяся, то уносившаяся и вновь прибегавшая. Оказалось, это был молодой волк. Маленьким волчонком товарищ взял его у лесника, спасая его от истребления. Выкормил и воспитал его. Он был трогательно привязан к хозяину и слушался его.

В свободный от процедур день я побывал в Пятигорске, чтобы осмотреть ключевое зональное водоснабжение города. Главный инженер тамошного водопровода Вагшуль познакомил меня с планами и отчётными данными водопровода, а затем проехал со мной до горы Юца, где мы осмотрели каптажные сооружения мощного горного ключа и трубопровод, по которому вода самотёком подавалась в резервуар для нижней зоны и в верхнюю зону Пятигорска. Трудно описать красоту вида, открывающегося с горы Юца и со всего степного предгорья на Пятигорск и на гору Машук. Далеко не молодой, удивительно симпатичный и душевный инженер Вагшуль оставался на скромном месте водопроводного инженера в Пятигорске и отказывался от очень заманчивых предложений перейти на службу в Москву, по его словам, только потому, что не мог лишиться себя радости по утрам отдаваться созерцанию красоты пятигорских горных пейзажей.

В следующий свободный день я приехал в Пятигорск с Любовью Карповной. Вместе осматривали мы город и его сады, подымались на гору Машук. Были у памятника на месте гибели гениального двадцатисемилетнего Лермонтова в 1841 г. от выстрела жалкого ничтожества Мартынова¹. Посетили музей в доме, где жил поэт.

Кроме Пятигорска я побывал в Железноводске, где осмотрел горячие источники, а также в Кисловодске, где познакомился с его знаменитыми бальнеологическими ценностями и прославленными местами для прогулок.

В Ленинграде редко имел я время, чтобы бывать в кино, и потому, вероятно, с такою яркостью сохранилось в памяти наше с Любовью Карповной посещение в Ессентуках кинотеатра. Шла картина «Станционный смотритель» по Пушкину. Я на себе испытал, какое непреодолимое чувство гнева, возмущения и острого желания борьбы со всякими последышами знати, со всякими привилегиями господствующих классов рождается от этого фильма.

У меня не хватило выдержки довести до конца назначенный мне курс лечения, и мы уехали из Ессентуков, чтобы совершить путешествие по

¹ Думается, что упоминание Мартынова и его оценка здесь не случайна, так как младшая дочь Захария Григорьевича во время написания им мемуаров была замужем за потомком этого Мартынова.

Военно-Грузинской дороге до Владикавказа (потом переименованного в Орджоникидзе, а ещё позднее — в Дзауджикау, пока он, наконец, не стал вновь Владикавказом), до Тбилиси, а оттуда проехать по железной дороге в Баку. Мне было переслано в Ессентуки приглашение из Баксовета приехать для участия в экспертизе проекта расширения и перепланировки города Баку. На станции Минеральные Воды нужно было пересесть на поезд, идущий во Владикавказ. Позади остались навсегда запечатлевшиеся виды Пятигорья. Вместо отдельно стоящих гигантских лакколитов¹ — «у врат Кавказа на часах сторожевых великанов» — перед нами показывались горные цепи самого Кавказа.

Во Владикавказе мы пробыли один-два дня. Чудесный городской парк, прорезанный бешено несущимися потоками Терека. Я успел осмотреть открытые песчаные фильтры медленной фильтрации городского водопровода и только ещё начинавшиеся тогда работы по улучшению дорожного замощения. Рано утром выехали мы в извозчичьей коляске парой по Военно-Грузинской дороге. Всё величие и красоты горных видов, открывающихся при путешествии по этой дороге, всем известны по бесчисленным описаниям. На полпути на почтовой станции Казбек (на высоте более 2 км) возница наш кормил и поил лошадей; мы обедали. Ко мне подошёл местный врач. Он всего лишь год назад окончил 2-й ЛМИ, слушал мои лекции, с увлечением рассказывал о своей работе в горных аулах, о поездках верхом летом для оказания помощи пастухам, ушедшим в высокогорные луга со стадами овец. В бинокль хорошо видны были в разных местах на далёких горных лугах стада овец.

Со станции Казбек начинается восхождение к вершине Казбека. Снежный массив вершины казался таким близким, однако восхождение требовало одного-двух дней. Врач-кавказец проявлял много искренней, почти детской радости от совершенно неожиданной встречи на своём участке со мною. При прощании с нами он давал много советов, на какие достопримечательности следовало обратить особое внимание в оставшейся части пути до Тбилиси.

Нужно сказать, что виды горных цепей и снежных вершин, крутых стремнин и скал, внезапно открывавшихся далёких зелёных долин одинаково приковывали к себе внимание. В одном месте у дороги бил мощный высокий фонтан. Начинался спуск к Тбилиси. Мы заехали в один из придорожных постоянных дворов, чтобы дать отдых лошадям. При въезде во двор, несколько в стороне, был привязан на цепи к столбу очень крупный горный медведь. Он становился на задние лапы, ревел и охотно брал бросаемые ему куски хлеба.

Недалеко от Тбилиси в сумерках вечера мы видели на Куре огни Земо-Авчальской гидроэлектростанции. Она уже работала. Мне нужно было спешить в Баку и потому в Тбилиси мы не смогли побыть достаточно времени. В немногие проведённые там дни мы успели ознакомиться с главнейшими

¹ Особый вид гор, образовавшихся в результате внедрения в земную кору расплавленной магмы и приобретших при застывании караваеобразный вид (Медведь в Крыму, Машук и Бештау на Кавказе).

достопримечательностями города. Подымались на фуникулёре на взгорье, смотрели на памятник на могиле Грибоедова и т. д.

В Баку мы приехали в начале октября, но там стояла нестерпимая жара. Работать в середине дня было трудно, поэтому с 12 до 16 часов делался перерыв. Предварительное ознакомление и изучение проекта развития и планировки Баку, выполненного под руководством А. П. Иваницкого¹, затруднялись отсутствием полного переписанного экземпляра. Приходилось знакомиться с огромным разрозненным плановым и проектно-графическим материалом и выслушивать разъяснения сотрудников А. П. Иваницкого. Сам он к назначенному для экспертизы сроку не приехал. В ранние утренние часы, а иногда и в часы дневного перерыва мы с Г. Д. Дубелиром объезжали последовательно одну за другой части города, добирались на промыслы с их посёлками, смотрели в натуре, в какой мере в проекте учтены местные природные условия. У Г. Д. Дубелира, привыкшего исходить из практических инженерно-расчётных соображений, часто возникали очень рациональные простые решения. При осмотре нами, например, части города, носящей название Арменикент, когда мы обошли несколько улиц, разбивающих всю эту новую, уже хорошо застроенную часть города на несколько рядов небольших прямоугольных кварталов, Г. Д. Дубелир высказал мысль, что без всяких сложных построений здесь следует просто закрыть, т. е. изъять из общего пользования, каждую вторую улицу. Таким образом, будет достигнуто укрупнение кварталов. В каждом квартале появится свободное пространство для внутриквартальных детских площадок и садов, а для города уменьшится сеть улиц, требующих расходов на замощение и постоянный ремонт мостовых.

При объезде промыслов я с радостным чувством видел успехи, достигнутые в строительстве домов для рабочих. Была совершенно очевидна ненужность проектирования единой с городом Баку канализационной системы для этих отстоящих от него на десяток и более километров посёлков. Обширные пространства, прилегающие к Баку на Апшеронском полуострове, являлись необрабатываемой пустыней вследствие недостатка влаги. Конечно, нужно было при устройстве канализации в городе направить сточные воды на орошение этих пустынных земель, как это и предлагалось на съезде 1923 г. Вместо этого за Чёрным городом, недалеко от берега моря, были построены огромных размеров двухъярусные отстойники со спуском прошедшей через них сточной воды со всеми содержащимися в ней удобрительными веществами в Каспийское море. Только известное предубеждение у нового поколения инженеров против применения орошения в качестве способа одновременного обеззараживания и использования удобрительной ценности сточных вод помешало окончательно принять решение применить в Баку поля орошения и повело к крупным затратам на содержание огромных железобетонных отстойников.

Мы пробыли в Баку до середины октября. Жара не прекращалась, и мы ежедневно купались в морских купальнях у набережной нового городско-

¹Иваницкий Александр Платонович (1881–1947) — архитектор-градостроитель. Проекты генеральных планов рабочего посёлка в Баку, Архангельска, Иванова, Ростова-на-Дону и др.

го сада. Неприятной особенностью купаний в Баку служил остающийся, невзирая на все меры, тонкий слой нефтяных загрязнений на поверхности морской воды. Почти у центральных улиц города начинались поднимавшиеся довольно круто вверх по каменистой лестнице старые кладбища. Уже тогда был утверждён проект превращения этих пустырей в сады и парки. Дело затруднялось недостатком пресных вод для поливки посадок. С устройством нового водопровода эти затруднения были устранены.

В самом конце 1928 г., с 3 по 9 декабря, я совершил поездку в Москву. Вот отдельные выдержки из моего отчёта о ней:

«В течение шести дней, проведённых в Москве, участвовал в 4-х общих заседаниях постоянного бюро водопроводных и санитарно-технических съездов и в комиссионных работах по подготовке справочника для коммунальных инженеров. Внёс и развил предложение о необходимости особого доклада на предстоящем 15–21 мая 1929 г. съезде об инженерном оборудовании улиц и об уличных покрытиях в крупных городах.

По окончании заседаний постоянного бюро (3–5 декабря) принял участие в работах Всесоюзной конференции при МВТУ о подготовке коммунальных инженеров (5–8). Выезжал в Рублёво для осмотра там вновь сооружаемых водопроводных зданий, фильтров и бассейнов. Осмотрел при этом в подробностях Музей по водоснабжению при Рублёвской станции. Отобрал для Музея города чертежи, планы и некоторые издания, которые по соглашению с главным инженером будут переданы Отделу коммунальной и социальной гигиены (7 декабря).

Подробно ознакомился с Санитарно-гигиеническим институтом и Музеем при нём Мосздравотдела (Пятницкая ул., 1), получил для Отдела издания Института и условился об изготовлении копий геологических разрезов артезианского водоснабжения Москвы и Московской губернии.

Осмотрел сад отдыха и культуры, устраиваемый Москомхозом в бывшем Нескучном саду, и подробно ознакомился с устроенной в бывшем манеже этого парка выставкой десятилетия советского здравоохранения. По утрам все эти дни работал в Государственном институте социальной гигиены (Кудринская пл., 1) по отбору моделей, изданий, графиков и других материалов для их дублирования в нашем Отделе. По этому поводу вошёл в предварительное соглашение с директором Института об изготовлении дубликатов моделей и графиков на льготных условиях с рассрочкой уплаты в течение года.

Ознакомился с проектами водопроводов и канализационных сооружений, выполняемых при ВСНХ Водоканалом, и отобрал материалы для пополнения коллекций Отдела коммунальной и социальной гигиены. Заручился согласием инженера З. Э. Шишкина и проф. Н. А. Кашкарова¹ о передаче этих материалов Отделу безвозмездно.

В Главном управлении коммунального хозяйства ознакомился с материалами, поступающими в отдел благоустройства (по планировке городов, канализации и водоснабжению), и возбудил вопрос о передаче части этих

¹ Кашкаров Н. А. — инженер-строитель, профессор кафедр железобетонных и каменных строительных конструкций в институтах Астрахани, Томска и др.

материалов Музею города. Получил принципиальное согласие на это заместителя начальника Главупркомхоза М. Д. Царёва и инженера Порфирьева.

В личных переговорах с заведующим Горкомхозом Ярославля Бутусовым получил согласие от него на пересылку для Отдела материалов по водоснабжению, по проекту перепланировки и канализации Ярославля. Таким же согласием о предоставлении материалов для Отдела заручился в Комитете по водоохранению и от заведующих водопроводами городов Баку, Астрахани, Сталинграда».

Между прочим, вспоминаю, как во время пребывания в Москве члены постоянного бюро были приглашены проф. Миловичем¹ осмотреть гидравлическую лабораторию в Шувалове (под Москвой, у Тимирязевской академии). Это было импозантное трёхэтажное здание, в котором протекал мощный поток воды, подаваемый на 3-й этаж при разных уклонах на разном русле и при разных условиях приводил разные приборы и турбины в действие. Проф. Милович давал пояснения, а затем на киноленте показал образование наносов, размывов, отмелей. Это было шедевром наглядности! На ужине, который был устроен семьёй Миловича, по просьбе председателя Павла Семёновича Булова я экспромтом сказал первый тост за хозяина. Я начал его словами Гёте о том, что природа крепко хранит свои секреты, и человек, будь он хоть дважды магом, не может их постичь, но вот мы видим, что Гёте не прав: проф. Милович сорвал покров тайны с процессов природы, заставил её раскрыть свою сокровенную работу. Закончил я пожеланием дальнейших успехов проф. Миловичу в раскрытии и покорении наукой гидравлических сил природы для успехов отечественного строительства гидроэлектростанций. Вечер у Миловичей затянулся. Он был интересен оживлёнными рассказами дочерей и жены профессора обо всех трудностях строительства и оборудования грандиозной гидравлической лаборатории, которое было осуществлено ещё при жизни Ленина, при его прямой поддержке.

При закладке здания строители натолкнулись на заваленную мраморную глыбу сфинкса, когда-то вывезенного графом Шуваловым из Египта. Но у сфинкса не было головы, и найти её при раскопках не удалось. Дочь Миловича, профессиональный художник-скульптор по образованию, вылепила голову для статуи, и она была поставлена у входа в здание лаборатории. Сделаны были небольшие гипсовые слепки этого сфинкса. Когда поздно ночью мы уезжали от Миловичей, один из этих слепков был поднесён мне на память. Немало труда стоило мне перевезти его с очень громоздким, массивным пьедесталом, который я вынужден был оставить в Москве. Сфинкс этот долго стоял, с его загадочной развёртывающейся гиперболической эмблемой на груди, в моей аудиторной комнате в Отделе коммунальной и социальной гигиены, а после окончательной гибели остатков этого, такого дорогого мне

¹ Милович А. Я. — зав. кафедрой гидравлики Московского сельскохозяйственного института. Инициатор строительства и руководитель Лаборатории гидравлических установок (1924–1931), которая приняла активное участие в проектировании и исследовании гидроэнергетических сооружений первых пятилеток и оросительных систем.

Отдела, вокруг которого, как я когда-то мечтал, должна была расти дальше и развиваться моя деятельность и моих товарищей по работе, подаренный мне слепок сфинкса, олицетворяющего природу, был привезён мне одним из друзей на «Полоску». Он и сейчас стоит в моём кабинете в Пушкине и напоминает о полной энтузиазма работе в 1918–1929 гг.

В 1928 г. мне удалось осуществить первую учебно-образовательную поездку за границу студентов, изучавших коммунальное хозяйство. Мысль об экскурсии в Германию возникла у группы выпускников Высших курсов коммунального хозяйства после ознакомления их с моим очерком в журнале «Городское дело» о заграничной поездке санитарных врачей, состоявшейся в 1912 г.

В состав группы должны были войти 20 человек. Руководить экскурсией поручалось мне, время пребывания — июнь-июль. Составленная мною программа была представлена в НКВД ещё в начале 1927–1928 учебного года. Она предусматривала подробное ознакомление с благоустройством и коммунальным хозяйством в 16 немецких городах: Штеттине, Берлине, Лейпциге, Дрездене, Хемнице, Нюрнберге, Мюнхене, Штутгарте, Мангейме, Франкфурте-на-Майне, Кёльне, Дюссельдорфе, Эссене, Дортмунде, Бремене и Гамбурге. Однако формальности по получению загранпаспортов, а затем виз на въезд в Германию, невзирая на полную своевременность разрешения со стороны НКВД, потребовали слишком много времени, и поездка смогла состояться только в августе. В связи с этим пришлось сократить длительность экскурсии с двух месяцев до одного и сократить также список городов. Число участников экскурсии было уменьшено с 20 до 11.

Я согласился руководить поездкой только при условии, что все хлопоты по получению заграничного паспорта будут с меня сняты. Но когда паспорта были готовы, возникли затруднения с получением виз в германском консульстве. Все десять студентов настойчиво просили меня лично ходатайствовать о даче виз. При всём моём нежелании обращаться в консульство, я не мог отказать своим слушателям, и с партийным руководителем экскурсии Мишиным пошёл на приём. Там консул, хотя и в учтивой по отношению ко мне форме, категорически заявил, что визы будут даны только в том случае, если я дам слово, что участники экскурсии не будут заниматься политической агитацией (!). Я объяснил, что я всего лишь научный руководитель экскурсии, что в программу её входит только изучение коммунальных и санитарных устройств и учреждений, что каждый из моих слушателей может дать соответствующее обязательство сам за себя, а в мои задачи это не входит. На это мне было заявлено, что если я не дам за всех требуемого обещания, визы никому не дадут. На этом наше свидание закончилось. Узнав о содержании разговора, все студенты настойчиво просили меня поручиться за них. Пришлось второй раз с партийным руководителем экскурсии побывать в консульстве и дать обещание, что участники учебной экскурсии будут воздерживаться от политической агитации во время пребывания в Германии, тем более, что ни один из них не знает немецкого языка. После этого визы всем были даны.

Чтобы запечатлеть в сознании участников экскурсии наиважнейшие проблемы и запросы, которые предьявляются ходом и развитием отече-

ственного коммунального хозяйства к использованию зарубежного опыта, я организовал для всей группы за две недели до отъезда ряд экскурсий по Ленинграду, Москве и окрестным городам. Специальная программа осмотров охватывала все те стороны жизни, благоустройства и коммунального хозяйства наших городов, которые должны были стать предметом изучения при поездке по Германии.

В ходе экскурсий по Ленинграду надо было выработать порядок осмотров в каждом городе. Экскурсанты должны были выработать у себя привычку смотреть на всякий город, как на единый организм, и при осмотре отдельных устройств и учреждений всегда воспринимать их, как часть этого организма.

Цель поездки за границу заключалась не в самом по себе ознакомлении с Германией, не в изучении её экономики и культуры, её условий жизни и коммунального хозяйства в её городах, а в том, чтобы непосредственно увидеть именно те технические приёмы и достижения в области благоустройства и инженерного оборудования населённых мест, которые могли быть полезны и в нашем хозяйстве.

Мы не имели времени на выискивание тёмных сторон, дефектов и изъянов, на изобличение социальных противоречий в чуждой по своему политическому строю стране. Мы должны были сосредоточить своё внимание на тех достижениях немецкого коммунального хозяйства, на тех технических возможностях в осуществлении благоустройства, которые отвечали бы нуждам пока ещё отсталого коммунального хозяйства в СССР. Поэтому полезно было конкретно ознакомиться с характером и содержанием идущей у нас коммунально-хозяйственной работы, с её условиями и потребностями, в свете которых особенно полезным мог быть заграничный опыт. Именно этой цели и должны были служить наши экскурсии по Ленинграду.

Первая экскурсия должна была дать комплексное представление о городе, как о коллективном коммунально-хозяйственном организме, ознакомиться с основными чертами его планировки и перспективами дальнейшего его развития. На это потребовался целый день. Экскурсия началась из центра города, от здания бывшей Городской думы и Гостиного Двора через Думскую линию, Банковский переулок, Мариинскую линию, Апраксин Двор, по Садовой, со всеми её рынками — Гостиным, Апраксиным, Сенным, Б. Александровским и др., вплоть до торговой площади Тургенева. Это район преимущественного сосредоточения торговли, обслуживающей не отдельные части Ленинграда, а весь город. В ходе осмотра его центральной части было обращено внимание на намечающийся сдвиг интеллектуального и административного центра к районам прежнего наибольшего сосредоточения государственных учреждений — от Чернышёвой площади, Александринского театра, улицы Росси и Публичной библиотеки к улице Пролеткульта, до Русского музея и далее до площади Урицкого и через Дворцовый мост на Васильевский остров в район Академии наук и Университета.

При этом достаточно рельефно обрисовывалось значение Марсова поля с прилегающими к нему Летним и Михайловским садами, как района центрального парка Ленинграда, к которому примыкает с запада деловой

район — банки Невского проспекта, Гостиный Двор, Апраксин рынок, Мариинская линия и вся улица 3-го июля (Садовая ул.) с выходящими на неё рынками и торговыми улицами. С севера — район интеллектуальной жизни, а с востока и юго-востока — жилые районы: Литейный проспект, Московская и Рождественская части, Петроградская и Выборгская стороны. Гранича с обширными водными пространствами Невы у начала Фонтанки, канала Грибоедова и Мойки, этот центральный парк, несомненно, является основным внутренним свободным пространством с незагрязнённым воздухом. Широкою водною полосой Невы и её рукавов он связывается с водным простором Финского залива и с зелёными площадями Аптекарского, Каменного, Елагина и других островов. Отчётливо выделась необходимость последующего устройства системы зелёных полос в направлении к периферическим паркам — Удельному, Сосновке, Полюстрово и др.

В ходе всех экскурсий по Ленинграду я обращал особое внимание на убогое оборудование улиц, почти сплошь покрытых тогда булыжною мостовою, без уличных посадок, без газонов и палисадников у домов, с изломанными тротуарами, и, в особенности, на чрезвычайно отсталую технику работ по устройству мостовых даже из диабазы и деревянных торцов, на полную нерациональность расположения на самой ездовой части, а не под тротуарами трапов дождеприёмных и смотровых колодцев, на крайне недостаточную прочность оснований мостовых, на совершенно неправильную заделку швов и т. д.

При осмотре главного ленинградского центра снабжения пищевыми продуктами (Сенной рынок и торговые ряды Горсткиной улицы) обращало на себя внимание отсутствие рельсовой связи рынков с общей сетью железных дорог. Невозможность доставки продуктов непосредственно к рынкам в товарных вагонах, необходимость перегрузки их на авто- и гужевого транспорт, вели к загромождению этим транспортом всех прилегающих к рынкам улиц. В связи с этим ярко вырисовывалась необходимость подвода ветки железной дороги от Детскосельского вокзала через Фонтанку к «чреву» города. Точно так же выявилась нерациональность расположения в городе центральной молочной станции — в Сапёрном переулке, вдали от рельсовых путей. Неоднократная перегрузка и доставка молока с вокзалов гужом сильно удорожали этот продукт первой необходимости.

Осмотр районов нового жилищного строительства выявил, что, как при строительстве крупных домов на Выборгской стороне, так и при возведении небольших деревянных домов в районе Лесного, отсутствовали дешёвые способы подвоза строительных материалов, не было механической подачи их на стройках многоэтажных домов, полностью отсутствовало какое бы то ни было благоустройство дворов, не было в них садов и зелени. Не было также никакой системности в застройке, она велась разбросанно, в отрыве от уже благоустроенных улиц и районов.

Перед началом каждой экскурсии я подводил итоги предшествующих осмотров и делал общие выводы о необходимости практического использования более высокой техники и рационализации дела. Такой порядок сохранился и в экскурсиях по немецким городам с расчётом на 10–12-часовой рабочий день.

Таким образом, осмотры в Ленинграде имели целью обнаружить те технически отсталые приёмы строительства и благоустройства, которые желательно было бы устранить и заменить применением более совершенной западной техники, лучшими приёмами организации работ. В Германии же, наоборот, мы должны были сосредоточиваться не на выискивании отсталых участков их городского хозяйства, не на раскрытии их ошибок, устранять которые не наша задача и не наша печаль, а на знакомстве со всеми положительными сторонами их строительства и благоустройства, которыми нужно и можно было бы воспользоваться у нас.

Фактическое пребывание наше за границей продолжалось 37 дней — с 31 июля по 7 сентября. За это время посещены были 11 городов. Осмотры велись как в этих городах, так и в их окрестностях. Переезды из одного города в другой отнимали очень мало времени, часто не более чем обычная поездка на трамвае или в автобусе в городе. Так, из Берлина в Лейпциг мы добирались 2 часа, из Штеттина в Берлин — менее 2 часов, а из Кёльна до Дюссельдорфа — менее часа и т. д., а самые длительные переезды: из Дрездена в Нюрнберг, из Штутгарта в Кёльн и из Эссена в Гамбург отняли всего по 4–5 часов и делались ночью, так что не отражались на числе экскурсионных дней. Приехав в новый город, мы тотчас же принимались за работу.

Из Ленинграда мы отплыли на пароходе «Алексей Рыков» 28 июля и прибыли вечером 31 июля в Штеттин (Щецин) — портовый город с населением в 250 тыс. человек. Пароход совершал свой первый пробный рейс. Кроме нас на нём находилась небольшая группа партийных работников, направлявшихся в Германию для службы в учреждениях торгпредства. Во время рейса нас привлекли к устройству вечера для довольно многочисленной паровой команды. Устроители хотели посвятить вечер А. М. Горькому, в связи с его предстоявшим в те дни возвращением в Москву из Италии. Библиотеки на судне ещё не было, и никаких произведений Горького или о нём под рукою не оказалось. По просьбе устроителей я согласился сказать вступительное слово о писателе и об отражении в его литературной деятельности этапов развития нашей революции. Мне пригодилось в моём импровизированном докладе знание наизусть горьковской символической «Феи», «Песни о Соколе» и «Буревестника».

Из трёхдневного нашего путешествия по Балтийскому морю в памяти осталось одно очень благополучно окончившееся приключение. В первый же день пути я познакомился с капитаном парохода. Это был молодой, очень культурный и обходительный человек, в разговоре немногословный, но внимательно слушавший собеседника. К концу второго дня путешествия мы попали в полосу густого тумана; белой непроницаемой пеленой окутывал он наше судно и всё вокруг. Даже у самого борта не было видно воды. Капитан всё время оставался на верхнем мостике. Корабль, замедлив ход, шёл, не переставая издавать тревожные гудки. И вдруг прямо у самого нашего борта оказался шедший полным ходом наперерез нам, без всяких гудков и прожекторов огромный океанский корабль. По команде капитана наш пароход круто дал задний ход. Вплотную, борт о борт с нами, прошёл мимо нас встречный корабль. От внезапного толчка свалилась мебель, попадали, отделавшись, к счастью, лишь ушибами, мно-

гие из пассажиров, но благодаря бдительности нашего капитана всё обошлось благополучно.

Благодаря предварительному письму из ленинградской организации ВОКС (Общество культурных связей с заграницей) в Штеттине проявлено было к нам внимательное отношение со стороны местного представителя ВОКС и секретаря нашего консульства. С чрезвычайной любезностью и предупредительностью отнеслись также и в Штеттинском магистрате к нашему желанию ознакомиться с важнейшими отраслями коммунального хозяйства, благоустройства и жилищного строительства в этом городе. По распоряжению бургомистра Пика, в наше распоряжение были выделены автомобили и под руководством городского архитектора мы ознакомились с системой замощения и оборудования улиц, их очистки, ремонта и поливки, с городской канализацией и очистными станциями, с городским гаражом, со свалками для домового мусора, уличных сметок и осадка из трёх имеющихся в городе очистных станций канализации с установками движущихся сит Ринша.

Осмотрели мы и зелёные насаждения в городе: бульвары, скверы, городской сад в центре, на месте бывшего кладбища, знаменитое новое кладбище-парк более чем в 200 десятин и так называемые «колонии садов-беседок». Большое впечатление произвела техническая оснащённость обширной Штеттинской гавани, обустройство улиц с их чудесными мостовыми из ровных гранитных брусков с залитыми асфальтом пазами, либо из прессованного асфальта или асфальтобетона. К благоустройству улиц Штеттина следует отнести и нарядные самопрокидывающиеся при опорожнении урны для окурков и бумаги у краёв тротуаров и подземные уличные уборные и писсуары, и красивые газоны, по которым проходили трамвайные пути, и обилие цветов — пышные розарии, и удобные скамейки в скверах, на бульварах и на улицах, а также — хорошо налаженную систему машинной уборки и поливки улиц.

В Берлин мы приехали вечером 1 августа и пробыли в нём почти две недели. Так же, как и в Штеттине, в первый день нашего приезда очень ценную помощь в устройстве и осуществлении плана осмотров оказали представители ВОКС и служащие нашего торгпредства. До 13 августа мы познакомились с замощением берлинских мостовых, с текущим ремонтом асфальтовых, мелкобрусчатых и мозаичных мостовых, с системами оборудования улиц, распределением их ширины на тротуары, газоны, палисадники и ездovou полосу; с подземными уличными сооружениями, с системой зелёных насаждений, с парками (Тиргартен и новые парки в Темпельгофе, Целлендорфе и Грюнвальде), с бульварами, скверами, садами, уличными посадками, с многочисленными и разнообразными колониями рабочих садилов и садов-беседок, с берлинскими полями орошения и имеющимися на них осадочными бассейнами и очистными прудами, с одною из новейших водопроводных станций, оборудованной наиболее совершенными техническими средствами.

И в Берлине, и в его окрестностях (Целлендорфе и Бритце, Даалеме, Фиштальгрунде, Темпельгофе и Шпандау, Вильмерсдорфе и др.) нам удалось не только ознакомиться с общей планировкой, застройкой и благоуст-

ройством районов жилищного строительства, но и с внутренним оборудованием и обстановкой рабочих жилищ, в которые мы входили благодаря общительной приветливости их обитателей. Мы осмотрели также берлинский центральный рынок, к которому была подведена железнодорожная ветка на эстакадах, и некоторые из районных рынков. При экскурсиях пешком в окрестностях Берлина мы ознакомились с благоустройством окраинных районов и нескольких деревень с чудесными загородными мелкобрусчатыми мостовыми на ведущих к городу дорогах, с широким развитием лодочного спорта на озёрах и с народными купальнями на них.

Но больше всего времени и внимания мы посвятили грандиозной выставке питания, устроенной берлинским муниципалитетом, и осмотру интересных с точки зрения городского благоустройства, жилищного строительства и коммунального хозяйства берлинских музеев, таких, как-то: Музей путей и средств сообщения, Музей охраны труда (с постоянной выставкой по обеспечению благополучия рабочих) и Музей по канализации и питьевому водоснабжению при Прусском институте по гигиене воды, почвы и воздуха (о последнем я напечатал подробную статью в 11-м номере журнала «Коммунальное дело»).

В Берлине специально для нас прочёл доклад архитектор Александр Клейн, давший в двухчасовой беседе много ценных разъяснений по технике и организации современного немецкого жилищного строительства. Там же к нашей экскурсии присоединился проф. М. А. Дыхно¹, заведовавший в то время гигиеническим институтом в Казани. В дальнейшей поездке по Германии мы совершали осмотры вместе с ним в Дрездене, Мюнхене и Гамбурге.

Мне хотелось воспользоваться пребыванием в Германии, чтобы познакомиться с А. Гротьяном² — наиболее известным и авторитетным специалистом по социальной гигиене в Германии. Он был автором незадолго перед тем вышедшего большого труда и ряда статей по этой дисциплине и соредактором крупной немецкой энциклопедии по этой же проблеме. Мне хотелось познакомить Гротьяна с развитием социальной гигиены в российских медресах и обратить его внимание на неоправданную переоценку им влияния наследственности на формирование массовой заболеваемости. Я считал, что Гротьян неправильно истолковывает некоторые демографические показатели, особенно относящиеся к воспроизводству, не учитывая их временный преходящий характер. Я по телефону просил Гротьяна назначить время, когда я мог бы посетить его на кафедре. Но он просил меня зайти к нему домой, побеседовать за чашкой чая. Дома он принял меня запросто, очень интересовался положением вопросов демографической и санитарной статистики в нашей стране, внимательно выслушал

¹ Дыхно Михаил Александрович — крупный учёный в области социальной гигиены, автор первого отечественного учебника по этому предмету; основатель и директор институтов общественной и социальной гигиены в Смоленске и Ростове-на-Дону; декан третьего Московского медицинского института.

² Гротьян Альфред (1869–1931) — немецкий социальный гигиенист, активно работавший в созданном ещё в 1906 «Обществе расовой гигиены», по убеждениям — социалист.

все мои замечания и возражения на его социальную патологию. Он произвёл на меня впечатление простого, искреннего человека, без «цеховой» учёной заносчивости.

В Лейпциге мы пробыли три дня, подробно знакомимся с замощением улиц такими типами мостовых, каких не встречали в Берлине: из очень твёрдых искусственных брусков и кубов из шлаков медеплавильных заводов, из пропитанных и хорошо просмолённых деревянных брусков и из клинкерного кирпича и пр. Как и в других городах, мы интересовались всеми деталями оборудования и благоустройства улиц, уличным освещением, машинным мытьём и уборкой улиц ночью; скверами, садами, посадками и газонами, уличными туалетами и т. д. Подробно осмотрели загородный парк и Лейпцигский городской лес, с его вековыми, поразительными по размерам, дубами и знаменитым поросшим лесом холмом, образовавшимся на месте свалок городского мусора. Кроме того, мы осмотрели очистную станцию Лейпцигской канализации, грандиозное новое здание кассы социального страхования со всеми сосредоточенными в нём учреждениями (число членов кассы превышало 250 тыс. человек, а годовой бюджет превышал 25 млн. марок); народную библиотеку и читальню, здание Лейпцигского магистрата, кладбище с крематорием и памятником битве народов. Побывали на обширной выставке оборудования гостиниц, столовых, народных домов, чайных и пр. Выставка была размещена на территории и в павильонах Лейпцигской ярмарки. Посетили мы и крупнейший в Европе знаменитый Лейпцигский вокзал.

В Дрезден мы прибыли 15 августа и оставались до 21 августа включительно. Главным предметом нашего изучения в этом городе была выставка «Технический городок». Она подробно описана мною в январской книжке журнала «Гигиена и эпидемиология» за 1929 г. Как и в других городах, в Дрездене нас занимали вопросы благоустройства и оборудования улиц, регулирования уличного движения, очистки улиц и города в целом. Переходы через улицы с сильным движением отмечены там прямо на мостовой белыми полосами, автомобили паркуются не у тротуаров, а по водоразделу движения — на серединной линии проезжей части.

Кроме выставки «Технический городок» мы осмотрели городскую канализацию и очистную станцию в Кадовице, поля захоронения мусора, образцовую по устройству и содержанию дрезденскую бойню с холодильниками, знаменитый Большой дрезденский парк с его богатейшими садовыми устройствами и цветниками, стадион, спортивные площадки и плавательные бассейны, строительство домов поселкового типа, крематорий и кладбище, здание городского магистрата и музея в нём, «Немецкий музей гигиены», а также окрестности Дрездена — Лошниц-Блязевиц, город-сад Геллерау и многие другие.

В Нюрнберге (22 августа) мы ознакомились с общей планировкой и оригинальной застройкой этого интереснейшего не только с исторической точки зрения, но и по-современному высоко развитым коммунальным хозяйством города. Кроме того, были осмотрены: центр города с его колодцем в 70 м глубиной, замком и музеем, кольцевой бульвар на месте крепостной стены, знаменитые фонтаны и образцовая народная баня с

плавательным бассейном. В Нюрнберге обучение плаванию — обязательный предмет школьной программы.

В Мюнхене (23-26 августа) главным предметом нашего внимания был, разумеется, «Немецкий музей» с его неисчерпаемыми по богатству коллекциями по всем отраслям техники. Нас в особенности интересовали отделы, посвященные постройке и оборудованию дорог и улиц, водоснабжению и специальному сельскому водоснабжению, канализации, освещению и строительству. В Мюнхене мы подробно ознакомились с большой выставкой «Техника в применении к оборудованию жилища и домашнего очага». Осматривали мы также систему зелёных насаждений и особенно известный Английский парк с его ландшафтной планировкой и обилием быстро несущихся красивых шумных горных рек и каскадов.

Очень интересным был осмотр очистных сооружений мюнхенской канализации в Гросляпене (эшмеровские установки, компостирование осадков, получение газа, устройство биологических очистных прудов, лаборатория и завод для механического машинного производства бетонных коллекторов большого сечения). Чтобы получить разрешение на эту экскурсию, я обратился по телефону в Управление канализации. Мне ответили, что осмотр всей системы очистных сооружений сопряжён с большими транспортными трудностями. Только раз в день рано утром туда отправляется поезд. Мне посоветовали обратиться лично к директору управления очистки. Я позвонил и услышал в ответ — быть в 7 часов утра всей группе на месте отправления специального рабочего поезда. Прибыв по указанному адресу, мы были приятно удивлены исключительной предупредительностью дирекции: в наше распоряжение был предоставлен на целый день отдельный вагон. Благодаря сопровождению одного из инженеров мы смогли очень обстоятельно ознакомиться со станцией предварительного осветления сточной воды в двухъярусных отстойниках. Осадок из них компостируется с плотными отбросами, доставляемыми из Мюнхена на автомашинах службой очистки города. Готовый компост идёт на удобрение лугов и полей, а осветленная сточная жидкость поступает в рыбные пруды в имении Гросляпен. Несколько часов мы провели в специальной химической лаборатории.

В Штутгарте кроме общего благоустройства города, его мостовых и улиц были осмотрены городские парки с их рыбными прудами, работы по регулированию водных протоков и реки, посёлок новых жилых домов разной архитектуры, «небоскрёб» в 16 этажей и многое другое.

В Кёльне нам была оказана большая любезность со стороны магистрата. Директор орготдела коммунального хозяйства составил для нас целую программу осмотров. Бургомистр прочёл нам двухчасовую лекцию о развитии самого города и городского хозяйства, о планировке Кёльна и крупных коммунальных сооружениях. В течение двух дней специальный автобус возил нас по городу и его окрестностям, благодаря чему мы смогли очень подробно осмотреть занимавший примерно такую же площадь, как Ленинград, Кёльн, хотя население его было в два с лишним раза меньше (всего 700 тыс. человек). Мы на месте ознакомились с ведущимися в то время работами по расширению кёльской канализации, с прокладкой новых коллекторов за

Рейном в туннелях. По главным коллекторам мы совершили целое подземное путешествие пешком. Вся система очистки города, собирание и удаление мусора, его утилизация и сжигание на новой, лишь в 1928 г. пущенной в ход мусоросжигательной станции, были нами внимательно изучены.

С особым интересом смотрели мы в Кёльне обширное коммунальное жилищное строительство, о размерах которого могут дать представление следующие цифры: в 1923 г. было построено 735, в 1924 г. — 2 114, в 1925 г. — 2 803, в 1926 г. — 3 803, в 1927 г. — 4 600 и в 1928 г. — 4 800 квартир. В окрестностях Кёльна на месте недавно ещё мощных фортов, взорванных в 1922–1925 гг. союзниками, разбивались парки и леса, чтобы оградить город от дыма Рурского угольного бассейна, создавалась огромная сеть спортивных площадок с бассейнами для плавания и устройствами для всех видов спортивных состязаний.

Огромный интерес представлял также осмотр учреждения для социального попечения о престарелых и инвалидах, одной из наилучшим образом оборудованных в Европе воздушных гаваней, художественных и исторических достопримечательностей Кёльна — Кёльнского собора, здания ратуши и т. д. Я выше не упоминал о такого же вида осмотрах в других городах, скажу здесь, что мы были и в Национальном музее в Берлине, и в знаменитых художественных галереях Дрездена, Мюнхена и других городов.

В Дюссельдорфе мы осмотрели за два дня замечательный городской парк с его прудами, обилием лебедей и декоративных уток, с большим фонтаном ключевой воды и с участками красивого букового леса среди парка в центре города. Осмотрели также центральную рыночную площадь на берегу Рейна, центральную молочную станцию.

Кроме того, мы успели подробно познакомиться в Дюссельдорфе с образцово поставленной системой уборки улиц и очистки города от мусора, с городским гаражом автомашин по уборке улиц, а также с коммунальным жилищным строительством, посетили новый немецкий государственный музей рационализации хозяйства и изучения общества.

В Эссене мы бегло осмотрели город и его район, занятый крупновскими заводами, а также центральный район, где в то время велась большая перепланировка с постройкой современных огромных зданий, крупновские посёлки для рабочих и парк, разбитый на месте крупновского кладбища.

В Гамбурге, где мы пробыли всего лишь неделю, мы осмотрели производившиеся в то время работы по теплофикации города. Шла реконструкция центральных частей города, строился туннель под Эльбой и портом, служивший главной артерией сквозного автомобильного и пешеходного движения. Мы осмотрели пользующийся мировой известностью Гамбургский порт для океанских кораблей. Затем изучили систему гамбургского водоснабжения, переходившего в то время от речной воды к ключевой. Из других экскурсий в Гамбурге упомяну: осмотр большого ночлежного дома, огромного (на 3 тыс. призываемых) дома для инвалидов и хроников, осмотр чарующего сказочной красотой планировки Ольсдорфского кладбища (парка и леса в 360 десятин), нового городского парка с цветниками, зелёными лугами, детским искусственным пляжем с молочным пунктом, парков в Альтоне, посёлка по типу города-сада «Вансбек». Были также по-

сещены Гамбургский музей промышленности, известный Гамбургский институт гигиены и зоологический парк, снабжавший всю Европу зверями.

После возвращения в Ленинград я изложил общий ход экскурсии и выводы о значении её, как метода подготовки коммунальных работников, на заседании совета Высших курсов коммунального хозяйства в присутствии всех студентов. Затем мой доклад и выводы о том, что могла дать и что в действительности дала поездка по Германии, были напечатаны в осеннем выпуске сборника «Коммунальная мысль» за 1928 г. По специальному приглашению наркома внутренних дел я сделал подробное сообщение о результатах нашего ознакомления с коммунальным хозяйством и жилищным строительством в Германии на заседании плановой комиссии под председательством В. Н. Толмачёва¹ 3 октября 1928 г. При этом, по предложению наркома, комиссия признала необходимым издать особую брошюру для коммунальных работников о результатах нашей поездки в связи с её большой практической ценностью и поучительностью.

В издании предполагалось осветить материалы по отдельным областям жилищного строительства и по благоустройству населённых мест. По вопросам о новых течениях и практических достижениях в области социально-гигиенического обслуживания населения мною сделан был доклад в ленинградском Обществе социальной и экспериментальной гигиены. Довольно значительные собрания литературы, планов и других графических материалов я передал в Отдел коммунальной и социальной гигиены Музея города.

11–17 мая 1929 г. в Ростове-на-Дону проходил Всесоюзный водопроводный и санитарно-технический съезд с секцией планирования и благоустройства городов.

В Ростове я остановился у доктора Киршмана Якова Сигизмундовича. Я близко знал его ещё по работе в Костромском губернском земстве в 1905–1909 гг. По специальности глазник, он в то время заведовал глазной больницей в Макарьеве. По моей инициативе там был создан лечебно-продовольственный пункт для судорабочих, на службу в котором была переведена мною из Кинешмы Людмила Васильевна Мороз. Тогда они и познакомились, поженились. Позднее они уехали из Макарьева. Яков Сигизмундович обладал всеми качествами для учёной карьеры, и в Ростове занял место ассистента, а затем доцента по кафедре глазных болезней, ведя одновременно работу в глазной больнице. Людмила Васильевна заведовала туберкулёзным диспансером в Ростове. Супруги были связаны единством своих политических взглядов, но, главное, их связывало исключительно глубокое, редкое взаимное уважение одного к личности другого.

Перед моим приездом в Ростов Яков Сигизмундович и Людмила Васильевна только что переехали в новую квартиру в одном из корпусов очень крупного кооперативного жилмассива. Организации и строительству этого жилмассива Киршманы уделяли много внимания и с увлечением знакоми-

¹ Толмачёв В. Н. (1886–1937) — в январе 1928 — феврале 1931 возглавлял НКВД РСФСР. В ноябре 1932 арестован, отсидел 3 года в спецлагерях. В сентябре 1937 арестован вторично и приговорён к расстрелу. В 1962 реабилитирован.

ли меня со всеми достижениями благоустройства в квартире и на участке. Людмила Васильевна познакомила меня с работниками Дома санитарного просвещения в Ростове, во главе которого стоял профессор Кокин. Он предложил мне прочесть курс лекций для санитарных врачей и работников санитарного просвещения о сущности, содержании, значении и задачах общего благоустройства населённых мест. Осуществить это предложение было нелегко, так как с 9 часов утра и до вечера я был занят на заседаниях секций и в работе комиссий съезда. Поэтому я предложил пять или шесть моих лекций назначить в ранние утренние часы, до заседаний съезда и до начала работы самих слушателей. Мне были наиболее удобны часы с 6 до 8 утра, но так как это казалось слишком экстравагантным, то лекции проходили с 7 до 9 часов утра.

Погода в Ростове стояла майская, упоительная. Мне предложили проводить лекции не в закрытом помещении, а на открытом воздухе. Была устроена «аудитория» в саду при Доме санитарного просвещения: поставлены вокруг стола скамьи и стулья и обеспечена для лектора классная доска с цветными мелками. Этот курс лекций в ранние утренние часы оставил у меня самые приятные воспоминания.

На секции планировки городов на Ростовском съезде уже давало себя знать засилье, а точнее, превалирование точки зрения архитекторов, подменяющих задачу создания удобного для жизни и деятельности здорового и безопасного жилища стремлением к так называемому «художественному оформлению города», к красоте общего облика, его площадей и ансамблей. На эту архитектурно-художественную концепцию общего плана города передвигалось главное внимание; архитектор-художник оттеснял санитарного врача и инженера; санитарный врач привыкал идти на поводу у архитектора-планировщика и подчинять задачи создания наиболее благоприятных условий для обеспечения здоровья населения принципу архитектурно-художественной концепции плана города. Это было началом того положения, когда всё большие средства стали тратиться не на рациональное удовлетворение жилищных нужд и решение неотложных проблем благоустройства и удобств жилищных условий, не на строительство жилья в соответствии с имеющимися материальными возможностями, а на разработку проектов осуществления в будущем заманчивых в художественном отношении пресловутых монументальных ансамблей.

Я пытался на съезде поднять значение санитарно-гигиенической стороны при разработке проектов планировки и перепланировки населённых мест и при фактическом строительстве. Это было основным мотивом моих выступлений и резких столкновений с главным докладчиком на секции планировки А. П. Иваницким. В течение многих последующих лет приходилось вновь и вновь призывать к поднятию значения санитарного врача и инженера-санитарного техника в вопросах проектирования и строительства населённых мест. В целом ряде докладов — на Всесоюзном санитарном съезде 1947 г., на заседаниях Санитарно-гигиенического общества и т. д. — выдвигал я это требование, развёртывая его примерно в следующих положениях. Определяющая и ведущая цель планировки и застройки населённых мест — возможно более полное удовлетворение потребностей населения в

здоровых, удобных жилищных условиях, в удобных, экономически наиболее доступных, технически наиболее совершенных средствах и путях общения и сообщения; обеспечение обслуживания населения сетью общественных учреждений — культурно-образовательного, учебно-воспитательного, хозяйственно-бытового, врачебно-санитарного и социального характера. Архитектурно-художественное оформление населённого места в целом или его отдельных частей должны осуществляться в пределах обеспечения прежде всего благоустройства, а не как самодовлеющие цели. Санитарные врачи и гигиенисты, инженеры и жилищно-коммунальные работники должны отстаивать и добиваться признания первостепенной важности санитарно-гигиенических и социально-культурных требований при планировке, строительстве и восстановлении населённых мест.

Все свободные от заседаний и лекций часы я использовал для участия в экскурсиях, для осмотра жилищного строительства для рабочих Аксайского завода. Два дня ушли на тщательное ознакомление с новым жилым посёлком для рабочих Сельмашстроя и на осмотр этого первого крупного завода социалистической промышленности. Он производил огромное, скажу прямо, радостное впечатление налаженностью всего производства, ощущавшимся подъёмом и дисциплиной труда. Такое же захватывающе радостное чувство позднее переживал я при осмотре Сталинградского тракторного завода, на котором летом 1931 г. я провёл целый день, а ещё позднее — Горьковского автомобильного завода.

Дни, проведённые в Ростове, оставили у меня бодрящее впечатление от бывшей ключом реконструкционной работы. Только что введённая в строй новая водопроводная станция с новаторскими улучшениями в конструкции скорых фильтров и методов коагуляции и хлорирования была особенно подробно осмотрена и при общей экскурсии, и повторно при моём посещении в одиночку. В это время в Ростове велись большие работы по созданию народного парка и по озеленению старых частей города.

Сейчас, когда я вспоминаю обо всём увиденном в Ростове, у меня перед глазами встал один мимолётный штрих, минутное впечатление, с такою неизбывною болью сохранившееся в памяти, невзирая на прошедшие с тех пор многие десятилетия. Мы осматривали бойню для экспорта мяса. В отделении, где производился убой лошадей, случайно мой взгляд остановился на старой лошади белой масти, стоявшей в очереди на убой. Лошадь смотрела на окружающее своими умными глазами. По всему телу её пробежала нервная дрожь. Из глаз выкатились слёзы. Подошедший боец с размаху нанёс ей удар молотом в лоб, но лошадь не свалилась, а лишь понуро низко опустила голову, подставив лоб для второго безжалостного смертельного удара. Это была мимолётная сцена, сотни раз повторявшаяся в течение дня для бойца, но для не зачерстневшего от подобных зрелищ человека она осталась глубоким незаживающим рубцом. И сейчас, по неведомой внутренней связи, она вызывает у меня терзающую мысль об ужасе смерти, пережитом гостеприимным, кротким хозяином квартиры, в которой я тогда остановился — таким деликатным, умным, талантливым Яковом Сигизмундовичем Киршманом. Во время оккупации Ростова немцами в 1942 г. он получил повестку о явке на «убой» от гитлеровских людоедов, как и многие

тысячи и даже миллионы евреев. Многие годы угнетено было сознание и всё существо Людмилы Васильевны этой не вмещающей в человеческое сознание трагедией.

После окончания съезда я решил проехать в Сочи, где раньше никогда не бывал, чтобы посмотреть южную природу Черноморского побережья, и оттуда, чтобы не терять времени, пролететь в Москву на самолёте. План этот был полностью осуществлён. В Сочи я успел побывать и купаться на Ривьере, осмотрел парки, проехал в Мацесту, совершил прогулку по ущелью и среди утёсов, и на рассвете 29 мая вылетел в Москву. Это было моё первое путешествие по воздуху. Оторвавшийся от земли самолёт набирал высоту над морем. Было яркое, солнечное утро. Море казалось с высоты фиолетовым, прозрачным, так что чувствовалась вся его толща до самого дна, а в противоположную от моря сторону тянулся зелёный горный ландшафт, над ним высилась белевшая снегом горная вершина. Вся эта картина вызывала беспредельное восхищение. Казалось, что даже в горле спирало дыхание, и ясно помню, что в сознании у меня возникла мысль, что если бы произошла воздушная авария, то созерцание неземной, невыразимой красоты не было бы куплено чрезмерно дорогой ценой, хотя бы этой ценой была самая гибель.

Только час-другой после начала полёта начинаешь ориентироваться в расстилающемся внизу и впереди ковре: начинаешь видеть вместо мелких разбросанных камешков и кирпичей пасущихся коров и лошадей. В Тихорецкой самолёт приземлился, чтобы сдать и взять почту. С аэродрома в Ростове я успел позвонить Киршманам. От Ростова до Харькова мы летели без посадки. До Ростова в кабине я был один, но там подсели четыре американских инженера, летевших после консультаций на Сельмашстрое. Над Донбассом нас сильно трепало в воздухе, и привычные к этому новые спутники спали, похрапывая в своих креслах, а я напряжённо всматривался в безграничные просторы. В Харькове — обед. Дальнейший перелёт до Москвы по расписанию должен был быть беспосадочным. Однако в пути произошла какая-то порча в моторе. Лётчик благополучно приземлился на ржаном поле где-то в районе Орла. Мы вышли из самолёта и в течение двух часов наслаждались тёплым солнечным днём среди полевого простора. Из Орла пришла машина, по существу, можно было воспользоваться ею, чтобы добраться до станции и ехать в Москву поездом, не подвергаясь риску новой непредвиденной посадки в поле. Но тут лётчик заявил, что мотор в порядке, он исправил мелкую поломку. Мои молчаливые спутники не обнаруживали никакого беспокойства и я, следуя их примеру, вернулся в кабину.

Очень интересны планы городов с высоты: собор и площадь в центре города и несколько расходящихся или пересекающихся улиц, а все кварталы, точно квадраты и прямоугольники на шахматной доске. Всё пространство до Москвы, расстилающееся внизу, было заманчиво интересным. Легко узнавалась Тула с её заводскими трубами, линии железных дорог, реки, но после внепрограммного спуска под Орлом над всем господствовало желание поскорее благополучно завершить это волшебное красивое путешествие. Ещё задолго до заката солнца я в бодром настроении ехал на автобу-

се от Сокольнического аэродрома в центр столицы. Успел навестить сестру Женю и вечерним поездом отправился в Ленинград.

Осенью того же, 1929 г., свободные от лекций дни октябрьских праздников я использовал для поездки в Керчь. Андрей Григорьевич Малиенко-Подвысоцкий¹, с таким искренним энтузиазмом помогавший мне в налаживании дела в Отделе коммунальной и социальной гигиены Музея города, деятельный участник кружка благоустройства и заграничной экскурсии, по окончании Института инженеров коммунального строительства был направлен, как бывший крымский стипендиат, на должность областного инженера коммунального хозяйства в Крыму. С большой энергией он обследовал положение и нужды коммунального благоустройства в городах области. В то время в связи с расширением и реконструкцией металлургического Керченского завода вопросы водоснабжения и развития жилищного строительства и благоустройства в Керчи приобретали особое значение. Со свойственной ему напористостью Андрей Григорьевич настаивал на скорейшем практическом продвижении этих вопросов. Но местные коммунальные работники и инженеры, ссылаясь на трудности увеличения подачи воды из местных источников, настаивали на том, что решить вопрос о водоснабжении Керчи можно будет только после обеспечения подачи воды из Кубани. Трудности представлял и вопрос о строительстве канализации, и о выборе места для спуска сточных вод и другие вопросы планировочного характера. Андрей Григорьевич обратился ко мне с просьбой приехать в Керчь и на месте обсудить ряд проблем, связанных с благоустройством города. Я согласился, и Андрей Григорьевич обещал встретить меня на станции Джанкой. В дороге я заболел ангиной, довольно тяжёлой, с высокой температурой. Я был очень обрадован, когда в Джанкое меня разыскал в поезде Андрей Григорьевич. Его дружеская забота очень меня ободрила. Устроив меня в гостинице, он добыл горячей воды для полосканий и компрессов. Меня очень тревожило, что из-за болезни я не в состоянии буду работать. Всю ночь провозился я с припарками. Утром боль в глотке ещё усилилась, но затем гнойник, очевидно, прорвался, мне стало настолько лучше, что я смог отправиться с Андреем Григорьевичем к председателю Горисполкома, ознакомился с проектами и отчётными материалами, а в послеобеденные часы совершил прогулку по городу.

На следующий день я смотрел Октябрьскую манифестацию — шествие от горы Митридата до исполкома, а также погулял с Андреем Григорьевичем по городу, посмотрел раскопки на горе Митридата, одну из гробниц и музейное собрание искажённых, вытянутых в длину черепов. Было начало ноября, но снега на земле не было. Доцветали поздние осенние цветы. Я собрал целый ассортимент цветущих растений на склоне горы.

Застройка Керчи произвела на меня своеобразное впечатление. Всюду преобладали малоэтажные каменные дома с очень толстыми стенами из местных ракушечных известняков. Дома и дворы обнесены толстыми ка-

¹ Малиенко-Подвысоцкий Андрей Григорьевич (1899–1980) — ученик и многолетний сотрудник З. Г. Френкеля. Инженер, архитектор, специалист по коммунальной гигиене. Часто упоминается только по второй фамилии.

менными же оградами с железными воротами. При переходе от частного домостроительства к коммунально-хозяйственному, исполкомовскому, и вообще к рациональному жилстроительству для скорейшего удовлетворения всё более острой нужды в жилье, самоочевидной была первоочередная надстройка вторых и третьих этажей и использование в качестве строительного материала никому не нужных каменных оград вокруг отдельных домовладений, а также переход от усадебного типа построек к организации жилых кварталов с укрупнением их за счёт обращения излишне густой сети переулков во внутриквартальные сады и скверы.

Целый день заняла у меня поездка на Керченский металлургический завод. Реконструкция шла полным ходом. Одна из новых домен уже была готова. Устраивался обширный обогатительный цех. Завод расположен у Керченского пролива, примерно в семи километрах от Керчи. Подле завода построен был жилой посёлок для рабочих. К сожалению, он был далёк от образца «социалистического жилого городка», не было даже элементарных забот об уличных посадках и прочем благоустройстве.

Интересна была поездка мимо горы Митридата по южному берегу Керченского полуострова в направлении к Феодосии, для осмотра мест, которые керченский горисполком намечал для постройки домов отдыха. По пути я заходил в пещерные ходы, тянувшиеся на сотни метров под землёй, в местах выработок мелкокоракшечного строительного плитняка. В том же районе внимание привлекала действующая глинисто-грязевая сопка, выбрасывавшая клубы горячего пара, грязи и газа. Гуляя в окрестностях Керчи, я обратил внимание на питание родниковых источников и на солончаковые земли, непосредственно примыкающие к городу. Возникла мысль об их возможном использовании для устройства почвенной или прудовой системы очистки сточных вод керченской канализации в целях разгрузки портовой бухты от чрезмерного фекального загрязнения. Все впечатления от осмотров и ознакомление с отчётными и проектными материалами облегчили мне участие в совещаниях, которые состоялись в отделе коммунального хозяйства для обсуждения проектов благоустройства города.

Уезжая, я увозил с собою много материалов по проектам благоустройства и развития этого замечательного своей тысячелетней историей города для обогащения Музея города, и, прежде всего, Отдела коммунальной и социальной гигиены. Но ещё больше я увозил с собою впечатлений о своеобразных природных условиях этого причудливого, сложного города с его стариной, современностью и широчайшими перспективами дальнейшего развития.

В 1929 г. по просьбе наркома Семашко я организовал при нашем Отделе в Музее города особую группу для помощи образованному в Москве комитету по участию СССР в гигиенической выставке в Дрездене в мае-сентябре 1930 г. Мы готовили электрифицированную карту СССР с обозначением разноцветными лампочками городов с канализацией и очистными сооружениями сточных вод, центральных водопроводов и пр. В качестве приложения к этой карте я хотел составить альбомы снимков и чертежей имеющих и запланированных сооружений по канализации и водоснабжению. Пользуясь пребыванием в Керчи, я обратился к пред-

седателю Крымского совнаркома с просьбой предоставить показательные материалы по канализационным и водопроводным сооружениям в Керчи и других городах Крыма (Симферополе, Ялте, Феодосии и др.). Полученные материалы вошли в подготовленную Отделом карту, которая экспонировалась в Дрездене.

1930–1938

В 1930 г. исполнилось 13 лет непрерывной моей работы в Отделе коммунальной и социальной гигиены. Все эти годы деятельность отдела непрерывно расширялась, охватывая всё более широкий круг проблем. Наряду с вопросами оздоровления территории Ленинграда систематическое освещение постепенно находили в отделе и вопросы снабжения города продуктами питания. Ограждение населения от болезней, алкоголизма, туберкулёза, эпидемических заболеваний, развитие сети общедоступной поликлинической и больничной помощи и т. д. — всё это выливалось в единую систему построения благоустроенного здорового города.

На материалах отдела коммунальные работники, техники и инженеры учились видеть значение всех сооружений и устройств коммунального хозяйства для жизни и здоровья населения, научились понимать жизненную важность соблюдения санитарных требований к коммунальному и жилищному строительству, а врачи и санитарные деятели учились понимать важность научного подхода к делу. Благодаря кропотливому труду и постоянному поиску новых форм работы отдел понемногу, шаг за шагом, приобретал известность и начал пользоваться любовью учившихся в нём молодых специалистов коммунального хозяйства и санитарного дела. Об этом говорили многочисленные письма, получаемые от участников экскурсий.

Из памяти моей не изглаживается до сих пор чувство горечи, охватившее меня, когда в 1929 г. новый заведующий Леноткомхозом И. Г. Рудаков, человек, совершенно далёкий от понимания существа и задач благоустройства и коммунального хозяйства, прислал распоряжение сократить наш отдел и превратить его во вспомогательное подразделение Леноткомхоза. Я отстаивал существование отдела, лично сам выступал в Ленсовете, добился приёма у державшего себя сатрапом Рудакова, пытался разъяснить ему дело, но успеха не добился. Свои распоряжения он оставил в силе, невзирая на многочисленные ходатайства и письма в Ленгорисполком от тех, кто знал и ценил наш отдел.

Для меня прекращение дальнейшего развития Отдела было крушением дела, в которое я вкладывал все свои силы. Большую поддержку доставили мне письма, полученные в это тяжёлое для меня время от товарища по работе в земстве Петра Ивановича Куркина. Вот одно из них от 2 сентября 1930 г.:

«Глубокоуважаемый и дорогой Захар Григорьевич, Вы поверите, без долгих объяснений, той тяжёлой печали, которая охватила здесь всех нас,